

ЛитРес:

Андрей ДЫШЕВ

ДЕМОНЫ РИМСКИХ КВАРТАЛОВ

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Андрей Михайлович Дышев
Демоны римских кварталов
Серия «Мистический детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161862

Демоны римский кварталов:

Аннотация

Поздним вечером у городского сквера убивают пожилого профессора истории. Следствию стало известно только одно: за мгновение до смерти ученый попытался отбросить подальше в кусты связку ключей с кулоном, выполненным в форме геральдического «креста крампоне».

Сложилось абсурдное впечатление, будто профессор был обеспокоен тем, как бы этот кулон не навел следователей на разгадку его трагической гибели.

Ученик профессора, молодой ученый-историк Влад, пытается самостоятельно найти убийцу и направляется в Вечный город. Он не ошибся – убийца скрывается именно там, в плотной тени древних римских улочек, где под сенью истории сошлись в смертельной схватке люди и нелюди...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	36
Глава 7	44
Глава 8	49
Глава 9	54
Глава 10	63
Глава 11	69
Глава 12	75
Глава 13	80
Глава 14	84
Глава 15	91
Глава 16	98
Глава 17	103
Глава 18	107
Глава 19	114
Глава 20	127
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Андрей Дышев

Демоны римский кварталов

Глава 1

До полного солнечного затмения оставалось четыре дня. Технический персонал обсерватории АРЕХ, принадлежащей десяти странам Евросоюза и Швейцарии, приступил к завершающей стадии подготовки уникального устройства с 12-метровой антенной. Южноафриканские астрономы в ожидании события, сделали пробные снимки нескольких галактик и диффузных туманностей, используя самый большой телескоп в Южном полушарии SALT с диаметром главного зеркала 11 метров. Особый ажиотаж творился на профессиональной обсерватории в Крыму, над которой должна будет пройти так называемая центральная линия затмения. Внимание астрономов всей планеты было привлечено к галактике NGC 4622, расположенной в созвездии Центавра на удалении 111 миллионов световых лет. Ее странную непохожесть на другие звездные скопления впервые зафиксировали астрономы из Алабамского университета с помощью орбитального телескопа Хаббл. Науке был подброшен совершенно необъяснимый, парадоксальный факт: эта галактика вращается *не в том направлении*. Механизм аномально-

го вращения до сих пор не был объясним. Некоторые астрономы высказывали весьма шаткие гипотезы, объясняя феномен тем, что NGC 4622 поглотила другую галактику, которая вращалась в противоположном направлении...

* * *

Мать Анисья мысленно повторила изречение Марка Аврелия, которое помогало ей в те минуты, когда надо было решиться на ответственное и мучительное действие, — *делай, что должен, и будь, что будет*. Она щелкнула зажигалкой и поднесла пламя к фитилю спиртовой горелки.

Леонтий вышел на балкон, он не переносил запаха паленой кожи. Тихо шелестел дождь. Влажный воздух был мутным, как запотевшее стекло, и очертания Привокзальной башни с часами утратили прежнюю суровую стройность. «Она торопится сделать это, — подумал он. — Она не доверяет мне».

Они только вернулись из Италии, и еще не успели разобрать вещи. Две дорожные сумки лежали посреди первой комнаты, и на кожаных ручках висели самоклеющиеся багажные ярлыки. Каждый вынул из сумок лишь то, что, на его взгляд, вынуть следовало немедленно. Леонтий достал сувенирную икону Апостола Петра, отогнул мельхиоровые уголки, отсоединил серебряную подложку. Внутри деревянного корпуса иконы было выдолблено углубление, в котором ле-

жал пистолет. Мать Анисья из своей сумки выбрала *камень* и горелку от ароматической лампы, купленной в сувенирной лавке.

Он услышал, как в комнате скрипнул стул и обернулся. Мать Анисья закончила, но горелку не загасила, пламя трепыхалось от сквозняка. Женщина ходила по комнате, поднимая и опуская руки, и при этом туго затянутый пояс ее шерстяного платья врезался в складки на талии.

– Свершилось, – бормотала она. – Свершилось...

«Свершило ли?» – подумал Леонтий и заметил, что камня на столе уже нет. Боль понемногу отпускала, и мать Анисья села в кресло, зажгла бра и стала рассматривать, что получилось. Леонтий все же уловил отвратительный запах, и тошнота подкатила к горлу. Он раздавил пламя маленьким зеркальцем женщины, отчего на его поверхности осталось черное пятно. Если теперь посмотреть в зеркальце, то будет похоже, что на лице разбрызгана чернильная клякса. «Она торопится, она уже не может сдержаться».

Он сел напротив нее, вынул из кармана и вытряхнул на ладонь две белые подушечки мятной жвачки.

– У тебя изо рта трупный запах, – сказал он.

– Я знаю... А глаза? Может, мне надеть очки?

– В очках ты будешь выглядеть нелепо. Хотя...

Она изменилась. Леонтий это почувствовал сразу. Ее взгляд стало трудно выдерживать. Кажется, что ледяной ветер в лицо, отчего сразу накатывают слезы. Да, будет луч-

ше, если она наденет темные очки. В Венеции она одевалась вольно – бриджи, кроссовки, широкая футболка, выпрошенная наружу, из-под которой едва выпирала обвисшая грудь. Она не надевала под футболку бюстгальтер, и это делало ее похожей на американку. Многие американки выглядят отвратительно. Они думают, раз природа не наделила их красотой, которая могла быть востребована бизнесом, то какой смысл тратить на косметику, фитнес и эластичное белье? Лишь однажды она надела длинное шерстяное платье, когда спускалась в катакомбы. Но не потому, что там было холодно.

– Подай мне бинт!

Ого! В ее голосе уже проскальзывают начальственные нотки. Леонтий вышел в первую комнату. Она *старается* властвовать. Она напрягается, чтобы повелевать. Это не власть. Истинная власть исходит из человека независимо от его воли. Даже когда он спит... Леонтий раскрыл створку шкафа, где висел его черный кожаный плащ. На нем еще не просохли капли дождя. В петле, пришитой на внутренней подкладке, стволом вниз висел пистолет. Леонтий зачем-то тронул его, испытывая необъяснимую потребность прикоснуться к металлу. Пистолет опасен, даже если не вложен в ладонь человека. Он источает власть бесконечно. Черное холодное божество...

– Ты куда пропал?

Ей невтерпёж. Она разучилась ждать и терпеть. Вожде-

ленная цель кажется ей слишком близкой. Но у них в запасе есть еще четыре дня. Целая вечность!

Леонтий вернулся, на ходу вскрывая упаковку с бинтом. Протянул ей тугой белый валик. Мать Анисья думала, что Леонтий ей поможет, усмехнулась и ухватила за кончик бинта зубами. У них никогда не возникал разговор о том, кому *быть*. Мать Анисья всячески давала понять, что эта тема обсуждению не подлежит. Она так решила, потому что ни у кого на земле не может быть аргумента против. Семь лет назад она впервые подняла эту тему в сектантской газете «Один», которую редактировала. *«Из-за неверного перевода Послания святого апостола Павла человечество пребывает в глубочайшем заблуждении относительно женищин-служителей Церкви в раннехристианскую эпоху. Пастор Юния, чье имя упоминает Павел, была женищиной, как и пастор Нимфан»*. Мать Анисья отстаивала свои права в религии с революционной отчаянностью Клары Цеткин.

Он отвернулся, чтобы не видеть того, что она с собой сделала. Его взгляд нечаянно упал на трюмо, стоящее напротив кресла, в котором сидела мать Анисья. То, что увидел Леонтий в зеркале, заставило его скорчить гадливую гримасу. Это все-таки омерзительно!

Она поймала его взгляд, тотчас вскочила с кресла.

– Я его разобью! Он больше не нужен!

Вышла на балкон, закрыла за собой дверь. Он слышал, как она долбит по камню рукояткой отвертки. «Он больше

не нужен... Конечно, двух Богов быть не может. История достигла апогея, выше уже некуда и некому...»

– Подай мне молоток! – крикнула она с балкона.

– Откуда у меня молоток?

Мать Анисья тяжело задышала, сверкнула воспаленными глазами, оглядела комнату, затем схватила с тумбочки настольную лампу с тяжелой подставкой и снова вышла на балкон. Бум, бум, бум, – раздавалось оттуда.

«Она крушит за собой лестницу...»

– Звони ему, – сказала мать Анисья, появившись на высоком, как пьедестал, пороге балкона. Ее руки, сжатые в кулаки, дрожали от напряжения. – Иначе я сейчас закричу.

Глава 2

Влад Уваров чувствовал себя скверно и второй день не выходил из дома. Температура его тела не поднималась выше тридцати восьми, но это, может быть, только растягивало процесс болезни на неопределенный срок. Из носа текло, в горле першило. Если бы не диссертация, которую надо было завершить к Новому году, Влад лежал бы в постели и выполнял весь комплекс медицинских рекомендаций при ОРЗ. Он почувствовал себя плохо вчера, на шестом уроке, и у него едва хватило сил завершить рассказ о восстании Спартака. Директор отшатнулась от него, как от прокаженного.

– Идите с глаз моих долой и лечитесь! Вас подменит учитель литературы.

Он пришел домой, лег и закутался в одеяло. Его трясло, хлопчатая майка мгновенно пропотела. Приступы кашля вырывали его из сна на протяжении всей ночи, и к утру Влад чувствовал себя совершенно разбитым. И все же он нашел в себе силы сменить насквозь пропотевшее белье, да приготовить чая с медом.

Его жена, учитель пения в той же школе, трагически погибла несколько лет назад: переходила рельсы и остановилась на междупутье, пропуская товарный состав. В это же время за ее спиной промчался пассажирский экспресс. Воздушный вихрь сбил ее с ног и затащил под колеса товарняка.

Второй раз Уваров не женился. Детей у него не было. Минувшим летом ему исполнилось тридцать.

Влад налил меда в стакан прямо из банки, глядя, как тягучая маслянистая жидкость золотистого цвета укладывается спиралью на дне стакана, а затем тает, проседает, утрачивает контуры и очертания. «Так и прошлое со временем уплотняется, прессуется, смешивается, и уже трудно разобрать, где какой виток истории». Он с сожалением подумал, что болезнь не позволила ему завершить урок так, как он хотел. Он не успел сказать детям главного: Спартак уникален тем, что был единственным известным истории главарем бунтовщиков, который не объявил себя царем. У него была власть, но он не *обозначил* в ней себя. А почему? Влад хотел, чтобы ученики задумались и сами ответили на этот вопрос. Но прежде они должны были избавиться от стойкого стереотипа, прописанного в учебнике – что, дескать, Спартак был рабом. Это ошибка появилась из-за неточного перевода исторических оригиналов с латыни. Спартак никогда не был рабом.

Влад отхлебнул чая, противно сладкого, и почти сразу, после первого глотка, по телу прошла душно-липкая волна, а на лбу проступила испарина. Он отставил чашку и придвинул к себе стопку исписанных листов. Диссертация, которую он писал, была посвящена преемственности политических учений, начиная с античных времен и заканчивая эпохой Возрождения. Сейчас Влад штудировал дигесты Юс-

тиниана. Материал перегонял по электронной почте из Рима его товарищ, сотрудник Национальной галереи античного искусства Адриано Вариани, с которым Влад познакомился во время обмена школьными делегациями в рамках компании «История без границ». А красной тряпкой в борьбе за ученую степень был научный руководитель Сидорский Артем Савельич, крупный специалист в области кратологии, науки о власти.

Не успел Влад погрузиться в чтение, как раздался телефонный звонок. «Это директриса. Сначала спросит о здоровье, а потом намекнет, что было бы неплохо, если бы я провел запланированный семинар в десятом «а».

Он еще не решил, будет поднимать трубку или нет, как телефон заглох. Наступившая тишина показалась Владу глухой, словно его поместили в глубокий погреб, да закрыли сверху бетонной плитой. Давящее чувство заставило его обернуться и посмотреть в запотевшее окно, за которым на мокром ветру раскачивался растрепанный тополь. Новый звонок заставил его вздрогнуть. Влад вскочил, но телефон вновь замолчал. «Что за шутки? Нет, это не директриса... Кто-то пытается дозвониться? Или балуется?»

После третьего звонка он кинулся в прихожую, где стоял аппарат. Но не успел. Тишина, воцарившаяся в квартире, стала нервировать. «Кто-то хочет со мной поговорить, но колеблется и всякий раз кладет трубку, потому как чувствует, что еще не готов, не все продумал...»

Теперь он ходил рядом с телефоном, поглядывая на него с нетерпением.

И тут он понял, что смущало человека, который трижды названивал ему. Определитель номера! Владу не полагалось знать номер телефона, с которого производился набор, и потому человек бросал трубку. АОН не успевал засечь комбинацию цифр.

Глава 3

Профессор Артем Савельич Сидорский вряд ли был выше полутора метров в росте. Он был горбатым, его позвоночник изогнулся внутри тела, словно корчащийся от боли удав. Так обозначил себя туберкулез костей, перенесенный в детстве. Позже он тяжело переболел гриппом, который дал осложнение на слух, и, общаясь с профессором, следовало говорить достаточно громко и при этом желательно не отворачивать лицо, чтобы Сидорский мог угадать нерасслышанное по губам. Инвалидность, тем не менее, не только не мешала ему заниматься наукой, но, возможно, даже способствовала успешному продвижению по научной стезе. Лишенный возможности выступать с лекциями перед аудиторией (у Сидорского, помимо всего, была отвратительная дикция), профессор писал научные статьи, учебники и вел к сияющим вершинам ученых степеней огромное количество соискателей.

Познания его были обширны. О великих правителях всех времен и народов Сидорский знал все, что только можно было знать. Он обладал удивительной способностью перерабатывать колоссальные объемы исторического материала и сопоставлять факты так, что доказательство некоего постулата становилось полным, исчерпывающим, не вызывающего ни малейшего сомнения. Профессор поставил точку на многих многолетних спорах историков. Он описывал жизнь вели-

ких правителей так, словно они были его соседями по лестничной площадке. Он поведал человечеству о том, что Абдул Кассим Исмаил – великий визирь Персии 10 века – во все свои походы всегда брал с собой библиотеку из 117 тысяч томов. Книги вез караван верблюдов, причем четыреста животных в этом караване располагались в алфавитном порядке, чтобы удобнее было найти нужную книгу. Профессору было доподлинно известно, что Великий Чингисхан умер во время секса, приняв такую же смерть, какая восемьсот лет назад постигла Аттила-Варвара в брачной постели с молодой женой Илидико. Благодаря профессору современные люди узнали пикантную деталь из жизни римского императора Юлия цезаря. Оказывается, правитель носил лавровый венок не ради обозначения своего величия, а для того, чтобы прикрыть прогрессирующую плешивость. С особым удовольствием Сидорский описал причуды римского императора Коммода, который обожал смотреть на гладиаторские бои в Колизее с участием карликов, *горбунов*, калек и прочих уродцев, собранных со всей Римской Империи.

Кто-то из его учеников на крыле от «жигуля» отчеканил фразу Коммода: *"Величие Рима – это не мрамор сената, это песок Колизея"*. Этот странный сувенир, необыкновенно точно отображающий жизненное кредо профессора, висел в прихожей Сидорского на самом видном месте. Известность пришла к Артему Савельичу после выхода в свет его книга «Формула власти». В ней ученый доходчиво объяснил, что

власть, которая дается человеку – не столько божий дар и счастливая комбинация звезд на небе. Это особый свод законов и правил, которым обязан руководствоваться всякий правитель, желающий себе долголетия. Трактат вызвал бурю эмоций. О книге говорили и спорили политологи, имиджмейкеры, советники всех мастей. «Государь» Макиавелли на ее фоне выглядел собранием расплывчатых и весьма сомнительных рекомендаций.

Именно эта книга натолкнула Влада Уварова обратиться за помощью к Сидорскому и просить его стать научным руководителем. Влад прочитал «Формулу» за одну ночь, находя ответы на множество вопросов, которые были для него камнем преткновения. При первой встрече с профессором Влад признался, что более всего его впечатлила расшифровка механизма власти римских правителей в раннехристианскую эпоху.

– Но у меня сложилось впечатление, – умничал Влад, – что вы не решились открыто сказать о своем сенсационном открытии и потому изложили его эзоповым языком.

– По-моему, это ты сейчас говоришь со мной эзоповым языком, – сердито заметил профессор. – Ну-ка, выкладывайте, что за впечатление у вас сложилось?

– Вы как бы невзначай выделили Калигулу, Нерона, Кассия, Марка Аврелия как людей, связанных какой-то одной тайной, – сказал Влад. – Я понял так, что эта тайна переходила от императора к императору эстафетой и по необъяс-

нимым причинам оборвалась в пятнадцатом веке.

Профессор в это время заваривал чай и не смотрел на лицо Уварова, тем не менее прекрасно понял, что ученик имел в виду.

– Чушь говорите. Какая эстафета? Этих людей разделяли годы и даже столетия, – возразил он, но Уварову показалось, что профессор нарочно отрицает очевидное.

– А ваш намек о существовании некоего тайного противоборства между Калигулой и Сенекой...

– Какой еще намек?! – сердито прервал профессор.

Влад находился под впечатлением и не мог остановиться.

– Намек на то, что начало этой эстафете положил Понтий Пилат, только вернувшийся из Иудеи...

Профессор выронил стакан, осколки брызгами разлетелись по кухне.

– Вы переучились, юноша, – произнес Сидорский, нахмурив брови. – Ничего подобного я не утверждал... Антинаучный бред... Гм, Понтий Пилат! Вы докатились до того, что смешали библейский персонаж с научной историей!

И все же Уваров не мог отделаться от ощущения, что в работе профессора он уловил призрачный, едва обозначенный намек на некий *особый интерес* только взошедшего на престол Калигулы к отозванному прокуратору Иудеи, и этот *интерес* кровавым катком покатился по императорским династиям.

Как бы ни сблизила совместная работа Уварова и Сидор-

ского, профессор оставался человеком замкнутым, а порой даже нелюдимым. Но один эпизод из жизни ученого просто отравил Уварову впечатление о своем кураторе. Открытие было сколь неожиданным, столь же и отталкивающим.

Жил профессор в старом доме, когда-то давно построенном академией наук. Комнаты в нем были огромными, потолки высоченными, и если бы провести капитальный ремонт с заменой давно прогнившей сантехники и канализационных труб, да вставить пластиковые окна, да отремонтировать лифт, да умело перепланировать комнаты, то цены этому дому не было бы. Но жила в этом доме не элитная профессура, а ее обнищавшие потомки, и стены в подъездах были исписаны отнюдь не математическими формулами, и доносились из-за дверей квартир далеко не научные споры. Сидорский остался единственным жильцом, который соответствовал академическому статусу дома.

Влад довольно часто приходил к профессору, и это было необъяснимым исключением из правил: обычно Сидорский никого у себя не принимал. Возможно, профессору импонировал редкостный аскетизм и самоотверженность подающего надежды молодого ученого, который жил далеко за пределами черты бедности. Как-то профессор назначил Владу встречу на поздний вечер, но попросил обязательно созвониться с ним заранее. Влад битый час накручивал диск телефона, но у профессора все время было занято. «Должно быть, у него что-то с телефоном».

Стояла ранняя весна, на улице была отвратительная погода. Влад направился к академическому дому пешком, так было удобнее, чем дожидаться на продуваемой всеми ветрами остановке троллейбуса. Влад шел дворами, раздумывая над тем, что у профессора открылось одно неожиданное качество: он умел приземлить любую, даже невероятно вознесшуюся над эпохами личность, и объяснить всякий исторический феномен простыми и обыденными понятиями. Он зашел через арку во двор и увидел роскошную черную машину – кажется, это был джип «Лексус», впрочем, в марках автомобилей Уваров разбирался плохо, как, скажем, в названиях созвездий в ночном небе. Необычным было то, что подобные автомобили никогда не появлялись в этом бедном районе. Влад зашел в подъезд, обратив внимание на двух крепких мужчин, которые курили на входе и провожали его пристальными взглядами.

Влад поднялся на третий этаж, тщательно вытер подошвы ботинок о замусоленный половичок, как вдруг услышал за дверью профессора такое, что заставило его тотчас усомниться: а не ошибся ли он квартирой? Его рука повисла в воздухе, не достигнув кнопки звонка. Влад невольно попятился. Он ухватился рукой за поручень и стал спиной подниматься вверх, на пролет четвертого этажа. «Этого не может быть!». Темнота надежно скрыла его; Влад увидел, как дверь медленно, словно с опаской, отворилась... «А мне-то что? Мне-то какое дело до *этого?*»... Влад позвонил в кварти-

ру профессора минут через двадцать. Сидорский выглядел растерянным, машинально протянул Владу руку и зашаркал вглубь гостиной, почти не отрывая ступней от пола. Влад последовал за ним, разглядывая его горбатую спину словно в первый раз и с ужасом понимая, что ему трудно сосредоточиться на истории, что в его воображении появляются назойливые картины того, как *это могло происходить*.

– Садись, – произнес Сидорский, думая, между тем, о чем-то своем.

На круглом столе лежал какой-то сверток. Сидорский встрепелся, вспомнив о нем, обхватил своими непропорционально большими руками и попытался затолкать куда-то между книг. Обертка надорвалась, и к ногам Сидорского упала пачка денег, перетянутая резинкой.

– Каждый зарабатывает, как может, – проговорил Сидорский, изо всех сил пытаясь скрыть смущение. Он склонился, кряхтя, поднял деньги и некоторое время в нерешительности мял пачку в руке. – А ты не нуждаешься? Я могу дать...

Влад почувствовал, как горячая волна стыда пробежала по его телу и выплеснулась через лицо и глаза. Он уже не мог думать ни о чем другом, и эти мысли стали болезненно-навязчивыми, и от них хотелось побежать куда-то в сырую ночь, сломя голову, и прыгнуть в черную стылую воду какого-нибудь заброшенного пруда.

– Я тебе расскажу... потом... – пробормотал профессор. – Дай Бог, я не ошибся...

Глава 4

Звонки прекратились, и Влад с опозданием отключил определитель. Он предоставил возможность абоненту остаться инкогнито, но абонент этой возможностью не воспользовался. «Может, это был профессор?»

Работу пришлось отложить, мысли были растрепаны, несколько оборванных звонков выбили из рабочего настроения. Влад сел у телевизора, обманывая самого себя. Он ждал нового звонка. В новостях выступал бородатый астролог, перечисляя известные истории катаклизмы и прочие драматические события, предвестником которых было полное солнечное затмение. «Никто не знает, что нас ждет на этот раз!» – стращал он.

Звонок, опять звонок! На этот раз Влад не торопился подойти к телефону. «Теперь ты меня не проведешь, не заставишь бегать по квартире, как обезьянка по клетке!» Звонок не обрывался, телефон продолжал наполнять квартиру веселой трелью. Влад вышел в прихожую, снял трубку.

– Алло! Это Влад Уваров? – услышал он незнакомый женский голос. – Вас беспокоит представитель церкви «Наследники Христа» мать Анисья... Алло! Вы меня слышите?

– Да.

– Вы не могли бы говорить громче?

«Наследники Христа», – вспоминал Влад. Сектанты часто

подходили к нему на улице, предлагали брошюрки, давали адреса молитвенных домов, приветливо улыбались и обещали полное и быстрое спасение души. Влад побаивался этих преимущественно молодых и приятной внешности людей, так же, как и цыган с их способностью зомбировать психику, и никогда не вступал с ними в беседы. Как-то представители «Свидетелей Иеговы» позвонили к нему в дверь и с порога задали вопрос, как он понимает библейское учение о бессмертии души.

Теперь, выходит, сектанты надумали обзванивать квартиры по телефону.

– Нет-нет, только не кладите трубку! – поторопилась предупредить мать Анисья, почувствовав настроение Влада. – Я вовсе не собираюсь прочищать вам мозги! Я знаю, что вы историк, и хочу предложить вам работу как историку.

Ее голос был дружелюбным, даже веселым и не оставлял тягостного впечатления.

– И чем же я могу быть полезен вашей церкви? – спросил Влад. Он был несколько обескуражен предложением незнакомой женщины. Как *историку*. Может, она хочет, чтобы он занимался агитацией? Выступал перед прихожанами?

– Вы могли бы принять нас сейчас с отцом Леонтием? Мы только приехали из Киева, и находимся на вокзале.

– Вы уже звонили мне сегодня?

– Да, извините! Этот безобразный телефон-автомат! Он считывал с карточки единицы, а связь всякий раз срывалась.

Влад глянул на часы. Восемь пятнадцать. За окном стемнело, голова просто раскалывается, горло болит так, словно Влад выпил расплавленного свинца.

– Я себя плохо чувствую, – признался он. Если бы позволил профессор и предложил встретиться, Влад, не раздумывая, тотчас бы оделся и вышел на улицу. А эта мать... Как же ее? Мать Анисья? Знает он, что ему хотят предложить! Сейчас начнут подсовывать брошюры с лощеными страничками и яркими, как в детских книжках, картинками, да как бы между делом втягивать в дискуссию. Умеют они это делать.

– Вы, наверное, неправильно меня поняли, – сказала женщина. – Я вам предлагаю очень приличные деньги. Три тысячи долларов.

Деньги, действительно, приличные. Трех тысяч хватило бы на две поездки в Рим.

– И что я должен сделать? – осторожно поинтересовался Влад.

– Написать предисловие к книге.

– Предисловие к книге?.. Странно. Почему именно я?

– Это ваша тема.

Такого Влад не ожидал. Мошенники обычно предлагают другое: изучить технологию изготовления пуговиц в домашних условиях или сыграть в беспроигрышную лотерею. Разговор его заинтересовал. «Втянули все-таки! Умеют же они это делать!»

– А с чего вы взяли, что это моя тема? – спросил он, по-

чти уверенный в том, что согласится принять представителей церкви у себя дома.

– Мы нашли в Интернете вашу статью о генуэзских колониях в Крыму.

Это правда, статья такая есть. Что ж, гости так гости. Влад оглядел комнату – беспорядок еще тот, но можно оправдаться тем, что неважно себя чувствует, да и вообще не ожидал гостей в столь поздний час. Кофе есть. В кухонном шкафу где-то завалилась коробка конфет, которую ему подарили на день учителя.

– Хорошо, – согласился Влад. – Приходите. Записывайте адрес...

Он положил трубку, как вдруг замер посреди прихожей... Чепуха какая-то получается. Не могли они прочитать его статью в Интернете. Не могли!

Глава 5

Свет прихожей высветил бледные лица гостей. Влад сделал шаг назад и широким жестом пригласил зайти. Мужчины проследовал в прихожую первым. Влад пожал его тонкую холодную руку. Их ладони соприкасались несколько дольше, чем было необходимо для демонстрации вежливости. Мужчина загораживал вход, и матери Анисье пришлось дожидаться на темной лестничной площадке. «Религия всегда вытесняла женщин на вторые позиции, – подумал Влад. – Церковнослужители и в быту придерживаются тех же правил».

Ему стало немного жалко женщину, которая воспринимала неуважение как должное.

– Что ж мы даме не даем войти! – попытался пошутить Влад.

Мать Анисья отрицательно покачала головой, продолжая стоять на прежнем месте, опустив руки в карманы черного плаща.

– Вы на меня не обращайте внимания, – сказала она. – Не беспокойтесь... Я сама с собой разберусь...

«Наверное, она тоже болеет... Прячет глаза... Носовой платок...»

Леонтий снял черный, блестящий от дождя плащ, повесил его на крючок и скользнул взглядом по стенам прихожей.

– У вас здесь уютно. Можно пройти в комнату?

Он был сухощав, даже мелок. Лицо бледное, несвежее, словно нарисованное одним угольным карандашом. «Неудивительно. Человек только с поезда». Леонтий прошествовал в гостиную, бегло оглядел ее и сел на диван. Узкий чемоданчик «дипломат» он поставил на пол между ног.

– Нет-нет, не надо! – сказала мать Анисья, когда Влад попытался помочь ей снять плащ. – Я сама... И вообще, вы держитесь от меня *подальше*. Я не совсем здорова.

Что ж, как ей будет угодно. Влад прошел в комнату, сел напротив Леонтия. Улыбаясь, они некоторое время смотрели друг на друга. «Прежде я должен узнать, почему они сказали мне неправду».

– Хотите кофе?

– С удовольствием.

– В поезде, наверное, было очень душно?

– Простите, где?

Разговор нелепый и несвязный. Так бывает, когда собеседники в первую голову думают о впечатлении, которое производят, а уж потом – о деле.

Вошла мать Анисья. В длинном, почти до пола, темно-коричневом платье она казалась маленькой, по-домашнему уютной. Правая рука ее скрывалась в кармане. Темные волосы, расчесанные с пробором посередине, были сплетены в куцую косичку. Глаза женщины слезились, кайма век воспалилась. «Наверное, у нее конъюнктивит. Это бывает при ОРЗ. Падение иммунитета».

Мать Анисья остановилась посреди комнаты, глядя на картину Максимова «Quo vadis» («Камо грядеши»). На ней была изображена Аппиева дорога – место, где, по преданию, апостолу Петру повстречался Христос. Скандальная изюминка картины заключалась в том, что на ней был изображен только апостол, держащийся за голову и с ужасом оглядывающийся на чадящий Рим. Понимать это следовало так: никого Петр не встретил; его просто заела совесть, и он решил вернуться.

– Вы такой молодой, а уже зарекомендовали себя как противник ортодоксов в науке, – сказала мать Анисья. – Вам нравится опровергать общепризнанные догмы?

– Почему нравится? – возразил Влад. – Просто я привык лично перепроверять каждый факт... Хотите помыть *руки*?

«Странно, что ее правая рука все время находится в кармане. Как будто она прячет там оружие».

Он проводил женщину в ванную, показал, где висит свежее полотенце. Мать Анисья поблагодарила, закрыла дверь и щелкнула изнутри замком. Затем раздался звук воды. «Определенно, она скрывает свою руку. Может, она у нее больна?»

Влад вернулся в комнату и с ходу – так было легче – спросил у Леонтия:

– Вы знакомы с профессором Жерардо Бамонте?

– Нет, не имею чести, – немного подумав, ответил Леонтий.

– Удивительно! – усмехнулся Влад, как если бы столкнулся с неким забавным приключением. – Как же вы смогли зайти на внутренний сайт римского университета «Sapienza»? Моя статья была опубликована именно там, что потребовало личного разрешения профессора Жерардо Бамонте. Без его визы никто не может не то, что поместить статью на сайте, но даже просто зайти туда.

Леонтий кивнул.

– Вы правы, – ничуть не смутившись, ответил он. – Но Жерардо Бамонте был слишком занят и недоступен, и мы не стали беспокоить его своей пустячной просьбой. Студенты стали нашей палочкой-выручалочкой! Вы же сами еще недавно пели «Gaudeamus» и знаете, как хронически студентам не хватает денег.

«Достаточно убедительно. Это не бог весть какое преступление – провести постороннего в аудиторию, посадить за компьютер и позволить войти на внутренний сайт».

– Что ж, – сказал Влад. – Давайте поговорим о вашей книге.

– О книге вам лучше расскажет мать Анисья.

Воцарилось неловкое молчание. Леонтий делал вид, что с интересом рассматривает картины и всякие безделушки на полках, вроде эбонитовых статуэток. «Что ж она так долго? Может, ванну принимает?»

Наконец, щелкнул шпингалет, и женщина вошла в комнату. Влад обратил внимание, что мать Анисья уже не держит

руку в кармане платья. «Я был прав, ее рука *больна*», – подумал он, заметив тугую бинтовую повязку, которая стягивала правую руку женщины.

– Что ж, – сказала мать Анисья с таким видом, словно никуда не отлучалась и все время присутствовала при разговоре мужчин. – Теперь самое время поговорить о книге.

Но Влад снова почувствовал, что рассеян – он раздумывает над странным, необычным поведением женщины. Рукав ее платья чуть выпачкан в чем-то белом, возможно, в побелке. До того, как она вошла в ванную, этого не было. Выходит, она выпачкалась там? Но где же там побелка? Стены обшиты кафелем.

Мать Анисья поставила на колени тонкий кожаный портфель, пальцы ее коснулись замка.

– Прежде, чем передать рукопись, – сказала она, – я бы хотела напомнить о том, что мы обратились к вам как к историку, исследователю, перспективному ученому... У простого обывателя эта книга, возможно, вызовет чувство возмущения, недоумения или раздражения. В вашем лице мы видим иного человека.

– И кого же вы видите в моем лице?

– Оппонента. Серьезного ученого, который всякий свой довод будет подкреплять обоснованными фактами. Мы ждем от вас беспощадной критики в тех местах, где вы с нами не согласитесь. И, конечно же, мы с благодарностью примем вашу поддержку...

Она не договорила. В прихожей зазвонил телефон. Владу показалось, что в воспаленных глазах матери Анисьи отразилась искра тревоги.

Влад извинился и вышел.

– У тебя все в порядке? – услышал он голос профессора Сидорского. Речь Артема Савельича была невнятной, будто профессор зажал пальцами нос, да еще сунул за обе щеки по грецкому ореху.

– Приболел немного, – признался Влад.

– Я не о том... Тебе никто не звонил? Никаких странных предложений не было?

Влад, не отрывая трубку от уха, кинул взгляд на распахнутую дверь в комнату и тотчас встретился взглядом с матерью Анисьей. Женщина улыбнулась, подняла *здоровую* руку и приветственно пошевелила пальцами.

– Как сказать... – пробормотал Влад.

– Ага! – догадался профессор. – Они уже у тебя. Так вот, слушай меня. Гони их из дома поганой метлой. Это сектанты и мошенники. Полнейшие дилетанты не только в теологии, но и в философии и истории! Они мне звонили сегодня, и я имел несчастье беседовать... как там она представилась? Мать Анисья?

– Но... пока еще... – произнес Влад, мучительно подбирая слова.

– Ты пока еще не раскусил их? – пришел на помощь профессор. – Так я расскажу тебе, что будет дальше. Они пред-

ложат тебе отрецензировать некую рукопись... Что? Уже предложили?

– В общем-то, да.

– И ты согласился?

Леонтий вдруг подошел к Владу и, натянуто улыбаясь, встал рядом, словно занял очередь, чтобы позвонить. «Как неудобно!» – думал Влад, покусывая губы. Профессор явно демонстрировал свой скверный характер. В общении со своими учениками он был абсолютным монархом, исповедующим истину в конечной инстанции. Никакой демократии! Никакого плюрализма. Совершенную историю преподавал только он. Все остальное, открытое, написанное и доказанное другими историками, если оно противоречило мнению Сидорского, именовалось профессором не иначе, как «антинаучная бредятин».

– Я еще не пришел к окончательному решению, – произнес Влад расплывчатую фразу.

– Ты слышал, что я тебе сказал? Гони их немедленно!

– Извините... Я перезвоню вам позже.

– Что?? – Профессор зашелся в праведном гневе. – Ну, знаешь...

Влад никогда раньше не смел разговаривать с профессором в таком тоне, тем более, первым завершать разговор с ним. Но профессор зашел слишком далеко. Он, по сути, внедрялся в личную жизнь Влада. В конце концов, Влад имеет право сам решать, как ему зарабатывать на хлеб. Профес-

сор же позволяет себе зарабатывать весьма *сомнительным* способом, причем зарабатывать большие деньги.

Влад опустил трубку, чувствуя, что теперь на душе будут скрести кошки. Так всегда с ним: сначала сделает, потом мучается от осознания своей вины. Ладно, «наследники Христа» уйдут, и Влад сразу же позвонит профессору и извинится перед ним.

Он вошел в комнату, заряженный принципиальной разборчивостью профессора. «Никакой науки! Голый бизнес!»

– Вы деньги принесли? – с порога спросил Влад, давая понять, что в проблеме гостей его интересует только материальная сторона вопроса.

– Конечно, – ответил Леонтий. – Мы готовы заплатить вам аванс.

Он вынул из кармана пиджака портмоне и стал отсчитывать доллары.

– А вдруг вы откажетесь? – спросила Мать Анисья.

– Не откажусь.

– Я хочу убедиться, что вы хорошо понимаете, что от вас требуется.

– Я прекрасно все понимаю. Я выражу свое самое субъективное отношение к рукописи. Я камня на камне не оставлю на том, что покажется мне вздорным. Я буду беспощаден к скоропалительным выводам, поверхностному осмыслению и нарушениям логической взаимосвязи. Такой ответ вас устраивает?

– Вполне, – сказал Леонтий, придвигая Владу стопку денег. – Сколько вам понадобится дней, чтобы изучить рукопись и написать рецензию?

– Три дня, – ответил Влад.

– Два, – поправил Леонтий. – Два дня. Потому как *дорога ложка к обеду*.

Он кивнул своей спутнице. Мать Анисья щелкнула замочком на портфеле и вынула рукопись в зеленой папке.

– Это всего лишь гипотеза, – предупредил Леонтий, мягко опуская ладонь на рукопись.

– Я разберусь, – заверил Влад и встал, давая понять, что пора честь знать. – Не исключено, что я сделаю работу раньше срока. Как мне вас найти? Вы где остановились?

– Нигде, – ответил Леонтий и улыбнулся. – Мы сами вам позвоним.

Проводив гостей, Влад первым делом сгреб со стола деньги и пересчитал. Тысяча долларов! Ого! Вот так дела! Это *мошенники*, вспомнил он слова профессора. Погорячился Артем Савельич. Что ж это за мошенники, которые оставили аванс в твердой валюте, и обещают заплатить еще вдвое больше за какую-то рецензию? Это не мошенники. Это чудаки.

Некоторое время Влад ходил по комнате, поглядывая на стеллажи с книгами, историческими журналами, вестниками археологии и подшивками статей и отчетов. Где же тут собака зарыта? В чем подвох? Красть у него нечего. «Жучки»

ставить незачем, потому как никаких секретных разговоров он не ведет по причине абсолютного незнания секретов. На иностранную разведку работать не предлагали.

Он открыл папку с рукописью, раскрыл на предпоследней странице, ибо основная часть любой научной работы – это только преамбула, а суть – в конце, в выводах. Принтер, на котором был отпечатан текст, страдал какими-то техническими болезнями, многие буквы едва читались.

«Отсутствием наследников у Бартоломео Коллеоне, выдающегося итальянского кондотьера, далекого потомка библейского Понтия Пилата, в какой-то мере можно объяснить его невиданную щедрость и относительное бескорыстие. Почему относительное? Бартоломео, отдав часть своего имущества (100 тысяч дукатов золотом) Венеции для благотворительных целей, выдвинул условие, что за это ему соорудят памятник на центральной площади Сан-Марко. Но так ли был щедр прославленный полководец? Только ли деньги в понимании кондотьера представляли истинную ценность? Будучи по-военному педантичным и расчетливым, Коллеоне в своих завещаниях до мельчайших подробностей описал и распределил принадлежащие ему ценности, а также малополезное имущество и даже старые носильные вещи. Странно то, что ни в одном из своих завещаний он не упомянул внешне пустяковый лом античной архитектуры, что противоречило скрупулезной аккуратности военачальника. Создается впечатление, что каменной коллекци-

ей должен был распорядиться человек, с которым у Бартоломео существовала некая тайная устная договоренность. Но такой человек не объявился после смерти полководца, и все невостребованное было положено в место захоронения Коллеоне...»

Влад вдруг почувствовал, что его внимание к тексту пропадает. Он отвел взгляд и увидел на полу едва заметное белое пятно. Опустился на корточки, тронул пятно пальцем, растер. «Ах, ванная!» Ему надо было сразу зайти туда, прежде чем пересчитывать деньги!

Влад открыл дверь и заглянул в ванную. Воздух сухой, пахнет мылом, раковина усыпана мутными каплями, похожими на волдыри... Влад посмотрел в корзину для грязного белья, выудил оттуда влажное полотенце, расправил его, поднес к свету. Зачем он копается в *грязном белье*? Почему ему тревожно?

Он различил смазанные белые пятна, как если бы мать Анисья чистила пастой зубы, да перемазалась и вытерлась полотенцем. «Это похоже на известку». Он поднял голову, глянул на идеально оштукатуренный потолок, на облицованные плиткой стены, штангу лейки, лючок вентиляции, карниз «мойдодыра» с подсветкой... Странная женщина.

Глава 6

Витторио не помнил, чтобы в этот день на кладбище собралось такое количество народа. По старинной итальянской традиции жители города оказывали почести своим предкам и посещали кладбища с многоярусными могилами. Случалось, что в этот день водители нарушали правила парковки и заезжали передними колесами на газон перед главными кладбищенскими воротами. Или, допустим, в арке, которую венчал крест из черного мрамора, образовывалась толчея, и тогда Витторио вооружался громкоговорителем и в течение нескольких минут наводил порядок. Но в этот раз словно весь город хлынул на кладбище! Для поддержания порядка прибыла дюжина полицейских. Народ валил по центральной аллее плотным строем, напоминая поток бурной горной реки. Навстречу плыл такой же поток тех, кто уже отдал дань памяти усопшим. На площади между колумбариумом и часовней начинались завихрения. Это было похлеще, чем массовые гуляния в день "palio" в Сиене.

Как назло, трудный день тянулся необыкновенно долго. К вечеру, когда посетителей почти не осталось, пошел мелкий морозящий дождик, и Витторио накинул синий форменный плащ. Перешагивая через разбросанные повсюду поминальные пластиковые стаканчики, раздавленные цветы и бумажные обертки, он время от времени кидал взгляд на темные

окна колумбария, любуясь своим отражением. Как всякий уважающий себя итальянец, Витторио обожал свою форму, а точнее себя в ней. А как же иначе должен относиться к своему имиджу охранник старейшего венецианского кладбища! Главное в его жизни – стиль и подчеркнутое уважением к усопшим. Какие великие личности здесь покоятся! Подойди к любой надгробной плите или склепу, прочти выбитые в граните имена, и почувствуешь ледяной, пахнущий плесенью и тайнами запах древней истории...

Витторио свернул на аллею номер сорок шесть. По этой аллее проходил маршрут его каждодневного обхода. Надо проверить, не осталось ли на территории посетителей, не болтаются ли тут пьяная молодежь, не шныряют ли между замшелых крестов *guidone* – бродяги и бомжи. Для одних кладбище – это место духовного воссоединения с умершими предками. А для других – место греховных утех, прибежище для наркоманов и приют для бомжей. Всех надо гнать в шею! С наступлением сумерек среди могил не должно остаться ни одной *живой* души.

Дойдя до роскошного склепа из красного гранита, над которым возвышался многотонный каменный крест с бронзовым распятием, окруженный по периметру мощными чугунными цепями (последнее пристанище Рики Бертулоччи, местного мафиози, между прочим), Витторио свернул налево. Теперь еще метров двести по узкой дорожке, выложенной коричневой плиткой, а там начнется старинная часть

кладбища, куда любят заходить туристы. Оглядывая хозяйским взглядом угрюмые надгробья, Витторио обращал внимание на то, что многие мусорные корзины переполнены, и завтра утром уборщикам предстоит большая работа. В его обязанность входило обеспечивать уборщиков форменными халатами и инвентарем. Желаящих прошерстить одно из самых знаменитых городских кладбищ отбоя не было. Во-первых, за несложную работу давали неплохие деньги. А во-вторых, почему-то именно на кладбище люди чаще всего теряют ценные вещи. Уборщики находят кошельки, часы, сережки, мобильные телефоны. Да и недопитой бутылочкой водки «Grappa» или «Sambuc» можно разживиться.

Охранник дошел до самой глухой части кладбища. С этого места, собственно, и начались захоронения. Никто не знает, когда был предан земле первый венецианец, ибо на многих могильных плитах уже невозможно разобрать ни имени усопшего, ни даты рождения и смерти. Но средние века запечатлены здесь отчетливо... Витторио постоял немного, обводя взглядом серые плиты, кресты и каменные фигуры святых и скорбящих матерей и поднял воротник плаща. Стало прохладно. Сейчас он пройдет по шестому сектору, оттуда выйдет на двадцать третью аллею и вернутся к колумбариям, замкнув таким образом первый круг.

Он уже собрался повернуться и продолжить обход, как вдруг что-то привлекло его внимание.

– Что за ерунда, – негромко произнес Витторио.

Ему показалось, что в строгом порядке склепов и надгробий появилась некая лишняя деталь, ускользающий от внимания элемент неаккуратности. Витторио медленно двинулся по узкой дорожке к старинному склепу, не сводя глаз с тяжелых каменных створок, похожих на две огромные книги, поставленные на торцы. Он не смотрел под ноги и потому нечаянно наступил на что-то твердое. Остановившись, Витторио увидел под ногами небольшой белый предмет размером с кулак ребенка. Подняв его, охранник поднес предмет к глазам.

– Первый раз такое вижу, – пробормотал он и невольно оглянулся, словно хотел увидеть того, кто этот предмет потерял.

Можно было предположить, что этот небольшой кусочек мрамора отвалился от какой-нибудь надгробной скульптуры, но края камня были гладкими, ошлифованными, а одна из его сторон напоминала миниатюрный барельеф с выпуклым замысловатым узором. Витторио покачал головой. Скорее всего, камень был украшением какой-нибудь могилы, деталью композиции. Но вот какой именно – сказать было решительно невозможно. Затолкав камень в просторный карман плаща, Витторио двинулся дальше, но сделал всего несколько шагов, как невольно воскликнул:

– Мать честная!

Одна из створок старинного склепа была приоткрыта. Образовавшаяся щель была узкой, но вполне достаточной для

того, чтобы в нее мог протиснуться худощавый человек. Витторио поднял глаза. На мраморной табличке было выбито: «*Кондотьер Бартоломео Коллеоне, 1400 — 1475*».

Такого безобразия Витторио давно не видывал. Последний случай произошел лет пять назад, когда группа сатанистов вскрыла и осквернила несколько склепов. Охранник стоял напротив приоткрытой двери и не знал, что делать. Он готов был поклясться, что еще утром здесь было все в порядке. Кому понадобилось нарушать покой прославленного кондотьера? Витторио покашлял и сделал шаг по ступеням вниз, к створкам. А вдруг внутри кто-то есть? Может, какой-нибудь *guidone* устроился там на ночлег? Предположение, конечно, нелепое. Там холодно и мрачно, разве что острое любопытство может заставить нормального человека зайти внутрь склепа. Но чтобы там ночевать!

Он сделал еще шаг.

— Кто здесь? — спросил он грозным голосом и, не получив ответа, осторожно заглянул внутрь склепа.

Полный мрак, ничего не видать. Как хорошо, что он прихватил с собой фонарик! Витторио откинул длинные полы плаща и отстегнул висящий на поясе тонкий полицейский фонарик размером не больше сигары. Бледно-белый лунный луч пронзил темное пространство склепа. Витторио рассматривал низкий замшелый свод, суровые стены и присыпанный крупным щебнем земляной пол. По центру из земли выступала верхняя грань гробницы. Едва луч света упал на плиту,

которая служила крышкой, как ледяная волна пробежалась по груди Витторио.

— Бог мой... — прошептал он.

Крышка была чуть-чуть сдвинула в сторону. Рядом лежала короткая монтировка. Снова вандалы? Но когда же это произошло? До недавнего времени на кладбище было полно народа. Впрочем, здесь, где находились самые старые захоронения, было малоллюдно. Века растворили потомков вельмож в человеческом океане, и интерес к древним склепам испытывали разве что туристы.

Перебарывая страх, Витторио зашел внутрь. Мертвецкий холод обжег его лицо. Надо навести порядок, вернуть все в первоначальное состояние. Иначе не миновать серьезного скандала... Ноги с трудом слушались его, фонарик дрожал в руке, и белый луч прыгал по углам гробницы. Дурные предчувствия заполнили его сознание. А вдруг створки склепа сейчас захлопнутся? При этой мысли его охватил ужас. Преодолевая себя, охранник приблизился к гробнице и подобрал с земли монтировку. Наверняка здесь орудовали потрошители могил. Может, тот белый камень, похожий на сплющенное яйцо, они вынули из гробницы, да затем выкинули, убедившись, что отшлифованный кусочек обыкновенного мрамора не представляет никакой ценности.

Витторио просунул конец монтировки под плиту и попытался поставить ее на место. Но плита даже не дрогнула. «Надо встать над гробницей, — подумал Витторио, — и взяться за

монтировку обеими руками». Ему не хотелось приближаться к жуткой черной щели, но из другого положения он вряд ли бы справился с тяжелой каменной крышкой. «Только не надо смотреть туда», – думал Витторио, широко расставляя ноги. Ему пришлось взять фонарик губами, чтобы освободить вторую руку. Уперся каблуками в каменную крошку, загнал конец монтировки под плиту, изготовился... «Только не надо смотреть туда...» Но голубоватый кружок света, скользя по плите, будто нарочно привлекал его внимание к щели. Витторио почувствовал, как капелька холодного пота побежала по его лбу, затем по спинке носа и повисла на самом кончике. Он потряс головой, а потом попытался сдуть ее. Луч света заплясал по крышке гробницы и вдруг провалился в черную щель. Витторио замер и даже дышать перестал. Сначала он увидел нечто темно-коричневое, рельефное, похожее на сложенное крыло гигантской летучей мыши. Затем, слабея от страха, угадал плечо мумифицированного человека, предплечье, локоть, похожий на шишку, обтянутую коричневым пергаментом, а ниже – запястье с глубокой колеей посредине, образованной лучевой костью. Витторио чуть склонил голову, направляя луч еще ниже; теперь он видел, что правая рука мумии согнута и приподнята, словно труп, лежа на спине, пытался приподнять крышку гробницы. Но... что-то в этой ребристой от продольных сухожилий руке было неестественным. Охранник наклонился, чтобы лучше рассмотреть руку. Зрелище, открывшееся ему всего на

мгновение, потрясло его.

Фонарик выпал изо рта Витторио, ударился о каменную плиту, отскочил и тотчас погас.

– Господи... Господи... – сдавленно пробормотал охранник и попятился прочь.

Глава 7

Приблизительно в это же время, не далее, чем в полутора километрах, два *guidone* готовились к ночи. В кромешной тьме навеса, где днем торговали цветочницы, бродяги соорудили нары из картонных коробок. Они запросто могли переночевать в социальной гостинице, где был теплый душ, ужин и роскошные койки с едко пахнущими хлоркой простынями. Но до гостиницы было далековато. И не то, что бомжам было лень идти по ночным улицам; они боялись опоздать к утренней записи в кладбищенские уборщики. Желающих, как правило, всегда было в избытке, и уже в шесть часов у главных ворот кладбища выстраивалась приличная очередь. Здесь же, рядом с воротами, они чувствовали себя спокойней.

Фабио, вечно влажный и липкий, как обсосанный чупа-чупс, ползал вокруг столба, поддерживающего навес, и приминал коленями расплюснутую картонную коробку от холодильника, которую выудил из мусорного контейнера. Его товарищ Рики, недавно вышедший на свободу мелкий и неумелый воришка, предпочитал спать на ворохе старой одежды. Оба *guidone* работали сосредоточенно и торопливо, ибо им очень хотелось поскорее занять спальные места и, прихлебывая из бутылок, поделиться впечатлениями о прошедшем дне.

Фабио первым разобрался со своим ложем. Используя в качестве подушки тугой пакет с мятой макулатурой, он принял горизонтальное положение и сладко потянулся.

– Ты зря подбираешь объедки в баках, – сказал он, поглаживая сумку с трофеями, которая лежала на его груди. – Не советую. Лично я всегда питаюсь в ресторане.

– Ты хотел сказать «около ресторана», – поправил его Рики, расправляя рукава и воротник куртки пожарного. Хорошая куртка. Немного прогорела на спине, а во всем остальном – почти новенькая.

– Не велика разница, – отпарировал Фабио. – Я имею в виду качество пищи.

Каждое утро Фабио подходил к черному входу ресторана "Martedì Grasso", откуда сердобольные посудомойки выносили ему все то, что ночью не доели клиенты. Рики в еде был не столь привередливым, и в основном питался тем, что бог пошлет.

– Ты питаешься объедками, – брезгливо сказал Рики, садясь на подготовленную постель по-турецки и развязывая тесемки холщевых мешков. – А я кушаю деликатесы, у которых всего-то немножечко истек срок годности.

Они еще немного поспорили о кулинарных пристрастиях, после чего каждый занялся выбором напитков и блюд. Фабио выудил из сумки бутылку темного стекла, в которой плескалась едкая смесь из «Sorni», «Nuragus di Cagliari» и «Cortese dell'Alto Monferrato». У Рики добыча была куда скромнее, и

он стыдливо спрятал между ног полбутылки выдохшегося и оттого напоминавшего мочу пива. Зато закуска у него сегодня действительно была деликатесной, чем он не преминул похвастать.

– Чем это так воняет? – спросил Рики, когда Фабио развернул полиэтиленовый пакет с рыбными котлетами. – Не блевотиной ли? Кажется, друг мой, тебе подсунули содержимое чьего-то желудка, которое не успело до конца перевариться.

– Тьфу, дурак! – глухо выкрикнул Фабио, но к котлетам, тем не менее, принялся. – Свежайшие! Просто они очень дорого стоят, и клиенты пожалели денег, чтобы их заказать.

– А у меня копченые свиные *ребрышки*, – похвастал Рики, довольный тем, что все-таки испортил товарищу настроение.

Он пошарил рукой в мешке и вынул аппетитную находку. Ну и что с того, что он нашел ее в мусорном контейнере? Деликатес был упакован в полиэтиленовый мешочек и завален сверху вялыми кладбищенскими цветами. Рики был наделен необыкновенно тонким нюхом и тотчас сунул в мешочек свой огромный, с горбинкой, нос. Это был проверенный и безошибочный способ. Продукт тухлятиной не пах. У него вообще не было никакого запаха. «С пивом скушаю!» – подумал Рики и с удовольствием представил, как он будет рвать зубами волокнистые, сухие и в меру соленые кусочки мяса.

Фабио покосился на своего товарища, который шлепал *ребрышками* по колену, разминая их перед тем, как вцепить-

ся в жесткую плоть зубами.

– Свинина? – уточнил он.

Рики кивнул и подумал, что Фабио обязательно начнет выпрашивать кусочек.

– А выглядит, как акулий плавник, – продолжал высказывать сомнение Фабио. Он хотел получить сатисфакцию за испорченный аппетит.

– Ну даже если и рыба, то тебе чего? – равнодушно ответил Рики, поднося продукт к носу и с шумом втягивая воздух.

– Смотри не отравись... Я однажды так отравился копченой рыбой, что месяц чешуей поносил.

«Нет, – подумал Рики. – Если я с ним не поделюсь, он отобьет у меня аппетит».

– Ладно, отрывай кусочек, – позволил Рики и протянул *ребрышки* Фабио, чтобы он смог ухватиться за край. Фабио взялся, потянул на себя.

– Странная рыба... – произнес он. – Это что за шипы на плавнике?

– Где ты нашел тут шипы?

– А вот это что?

– Что *это*? – рассердился Рики. – Не хочешь есть, так и скажи.

– Ну вот, пощупай здесь, где моя рука... А? Что это? Это же коготь какой-то...

– Сам ты коготь...

– Постой, я зажигалку достану!

Фабио открыл молнию на сумке, пошуршал в накладном кармане и вынул квадратную зажигалку «Zippo» в металлическом корпусе, обтянутом кожей. Почти новая. Кто-то оставил на могиле рядом с погасшими свечками. Он откинул защитный колпачок, нащупал большим пальцем рифленое колесико и крутанул его. Искры воспламенили пропитанный бензином фитиль. Оранжевое пламя раздвинуло темноту, осветило одежду, разложенную на асфальте, столбы, подпирающие навес и бледное изможденное лицо Рики.

Несколько мгновений бродяги смотрели на *ребрышки*. Слабое пламя не позволяло увидеть, как у обоих которые Рики держал навесу. Слабое пламя не позволяло увидеть, как у обоих *guidone* в ужасе расширились зрачки. Рики держал навесу высохшую, с прорезавшимися черными сухожилиями и обтянутую коричневой глянцевой кожей человеческую руку. Они одновременно издали дикий вопль ужаса. Отшвырнув «деликатесный продукт» во мрак ночи, Рики кинулся прочь. Фабио, неумело и суетно крестясь, побежал в другую сторону.

Глава 8

– Пока у нас есть время, неплохо бы рассчитаться.

Борис Калевал, редактор местного телевидения, с недавних пор перестал верить клиентам на слово. После того, как его крупно обманули, журналист стал требовать деньги вперед. Сначала деньги, потом запись. Половину клиентов сразу как ветром сдуло. Оставшиеся рекламодатели стали торговаться, просили снизить расценки за минуту телевизионного времени. Леонтий был первым и пока что последним клиентом, который не торговался и деньги выложил по первому требованию. Глядя на то, как Леонтий отсчитывает бледно-зеленые купюры, Калевал пытался угадать, у какой персоны ему предстоит взять интервью.

Сначала он полагал, что это будет директор какого-нибудь нового магазина, скажем, обувного или парфюмерного. Когда же Леонтий, размышляя вслух по телефону, сказал, что интервью по продолжительности должно быть не менее пятнадцати минут, опешивший Калевал подумал: «Кандидат в депутаты, никак не ниже». Но, придя в студию, Леонтий просто убил журналиста наповал. «Пятьдесят минут, – сказал он. – Я заплачу всю сумму до записи».

Пятьдесят минут вечернего, самого дорогого телевизионного времени, не могли себе позволить ни политики-кандидаты, ни воры в законе, ни начинающие эстрадные звезды, ни

банкиры. Калевал, хороня толстую пачку долларов в сейфе, терзался догадками: кто же его гостя, с которой ему предстоит беседовать перед телекамерами пятьдесят минут?

Вернувшись в студию, он задал этот вопрос Леонтию.

Мужчина выдержал долгую паузу, пристально глядя журналисту в глаза, и ровным голосом ответил:

– Прежде времени вам лучше об этом не знать.

– Как вы сказали? – переспросил Калевал и чуть подался вперед, чтобы лучше слышать.

Леонтий повторил. Калевал кивнул, мол, ясный перец, конспирация. И все же он пытался угадать, с кем ему придется вести беседу. «Тут пахнет большой политикой и бизнесом. И уж, конечно, криминалом». Он осторожно уточнил, велик ли моральный груз ответственности, который лежит на плечах героя интервью?

– Груз колоссальный, – немногословно ответил Леонтий и попросил понапрасну не болтать, а терпеливо ждать.

Прошло еще минут десять. Гость не приходил. Журналист начал нервничать. Сумма, которую он получил от Леонтия, была настолько велика, что с лихвой покрывала не только эфирное время, но и вынужденный простой. Впрочем, рабочий день в студии давно закончился, и теперь Калевал расходовал личное время.

Они ждали молча. Калевал чувствовал себя неловко. Он хотел накидать приблизительные вопросы для предстоящей беседы, и шелестел страничками блокнота. Но как выпытать

у Леонтия, кто по профессии герой интервью?

– Наш гость – актер театра или кино? – наобум спросил он.

– Наш гость – не человек в привычном понимании этого слова.

– Это понятно, – натянуто улыбнулся Калевал. – Я имею ввиду, кем он работает в повседневной жизни?

– Разве я невнятно сказал? И, пожалуйста, уберите все лишнее со стола.

Калевал смутился. «Может, и Леонтий, и гость – оба сумасшедшие? – подумал он. – Но откуда у сумасшедших столько денег?»

Прошло еще пять минут. Напряжение росло.

– Мне надо подготовить вопросы, – сказал журналист. – Вы должны хоть в общих чертах рассказать мне о нашем герое.

– Не надо ничего готовить, – сухо отрезал Леонтий. – Я вам ручаюсь, что вы не будете испытывать никаких проблем с вопросами.

– Но я совершенно не представляю, с кем буду беседовать!

– Вы все поймете, как только увидите этого человека.

Калевал почувствовал, как его прошибло потом. «А ты думал, что мне заплатили большие деньги просто так? – спросил он сам себя. – Туману нагоняет...»

Прошло еще неизвестно сколько времени. Леонтий закрыл глаза и стал тихо нашептывать, вроде как молитву.

Журналист уже с тревогой поглядывал на дверь в студию.

– Может, с ним что-нибудь случилось? – спросил он. – Мы ждем уже сорок минут!

Леонтий открыл глаза. От его взгляда Калевалу стало не по себе.

– Сорок минут – это не две тысячи лет, – произнес Леонтий. – Скоро вы поймете, что эти минуты – самые лучшие из всей вашей никчемной жизни.

– Простите, как вы сказали?

Дальнейшее ожидание превратилось в пытку. Пот градом катился по лбу журналиста. Его пальцы дрожали, ему не хватало воздуха.

– Сейчас он придет, – прошептал Леонтий. – Я чувствую это...

Это «сейчас» продлилось еще минут десять. Калевал уже не мог отвести взгляд от входной двери. От малейшего шороха он вздрагивал. Мерный гул неоновых ламп завязывал его нервы узлом.

И вдруг дверь распахнулась. Леонтий немедленно вскочил со стула. Журналисту показалось, что сердце его разорвалось подобно гранате. В студию стремительно вошла женщина. Она двигалась напористо и целеустремленно, полы ее черного плаща развевались, каблуки стучали словно молоточки по наковальне. Она держала голову высоко, глядя прямо в глаза Калевалу, и вместе с ней в студию ворвался нестерпимо яркий свет, и свежий воздух, пахнувший дождем

и прелыми листьями. Калевал едва устоял на ногах. Силы чуть было не покинули его, и он ухватился за спинку стула. Женщина улыбалась только губами, глаза оставались холодными. Она протянула левую руку, и Калевал, низко склонив голову, помимо своей воли прикоснулся к ней губами. Ему показалось, что рука у женщины необыкновенно теплая, почти горячая. И запах... странный запах.

Он поднял взгляд. Женщина разомкнула губы и негромко, но внятно произнесла *имя*.

Калевал подумал, что наверняка ослышался, что этого быть не может, ибо это несуразица, выдумка... Нет, нет, об этом даже не надо думать, потому как стыдно, смешно и вообще нехорошо... И все же ему стало не по себе. Настолько не по себе, что даже потемнело в глазах.

– Приступим, – сказал Леонтий. – Интервью должно выйти в эфир в день затмения. Ни раньше, ни позже.

Глава 9

Влад протер испачканный гостями пол и позвонил профессору.

– Артем Савельич! Простите меня за то, что я говорил с вами грубо.

– Ты им отказал? – после недолгой паузы спросил профессор.

– Они уже заплатили мне за работу.

– Сколько они тебе заплатили?

– Тысячу долларов авансом.

– Я заплачу тебе две тысячи только за то, чтобы ты не открывал рукопись.

– Но этим предложением вы только разжигаете мое любопытство.

Он не стал говорить профессору, что уже открывал рукопись и прочитал абзац на последней странице. Загадка с завещанием кондотьера Бартоломео Коллеоне. Никакой крамолы или лженаучных версий. Автор рукописи ставит закономерный вопрос, но оставляет его без ответа, потому как ответа не знает и желает получить его у рецензента.

– К чему любопытство?! – воскликнул профессор, и Влад подумал, что никогда прежде не слышал от Сидорского столь гневного тона. – Это абсолютный вымысел от начала и до конца, не имеющий ничего общего с настоящей наукой!

Эта жалкая попытка переосмыслить теорию параллелизма в истории римских правителей! Это умышленная, коварная, подлая подмена истинных утверждений ложными! Ты, здоровый ученый, не можешь испытывать тягу к патологии!

Любопытство у Влада вызывала уже не столько рукопись, сколько реакция профессора на нее.

– Для чего, в таком случае, автор писал заведомую ложь? – спросил он.

– Каждая фальсификация, молодой человек, преследует некие ненаучные цели! – безапелляционно заявил профессор.

– Какие, например?

Профессор осекся. Похоже, что он сказал лишнее, и интерес к рукописи у Влада возрос еще больше.

– В общем, вот мое последнее слово, – жестко произнес он. – Я запрещаю тебе читать эту ересь. Ни под каким предлогом ты не должен открывать рукопись. Мало того: ты просто обязан сжечь ее! Ежели ты все-таки не слушаешь меня, то безнадежно упадешь в моих глазах как ученый, и я буду вынужден отказаться от тебя. Решай сам...

Нас этот раз первым закончил разговор профессор.

Влад еще некоторое время стоял в прихожей, держа у лица трубку, издающую нудные сигналы. Через открытую дверь он видел часть комнаты, стол и зеленую папку с шелковыми завязками. Соблазн был просто неудержимым. «Старик просто проявляет упрямство. Он научный деспот. Он не выно-

сит чужого мнения, которое идет вразрез с его собственным. Он требует от меня полного подчинения. И что? Я, как робкая овечка, буду покорно выполнять его капризы?»

Влад зашел в комнату. Из открытой форточки веяло ночной прохладой. По подоконнику стучал дождь. Апостол Петр смотрел с картины глазами полными стыда. То был стыд ученика, изменившего своему учителю... «Он деспот, – снова подумал Влад. – Он пытается связать меня по рукам и ногам». Рукопись притягивала взгляд. Влад ходил вокруг стола, чувствуя, что не в силах бороться со своим желанием. Если бы профессор отреагировал иначе, если бы он просто сказал: «Ерунда. Можешь читать, а можешь нет. Лично мне не понравилась», то Влад, скорее всего, закинул бы рукопись на книжную полку и преспокойно лег бы спать. Но ультимативность профессора была необыкновенной. Можно было подумать, что профессор чего-то боится. Может быть, рукопись с огромной убедительной силой опровергает все те научные выводы, которые сделал профессор? Может быть, эта рукопись хоронит Сидорского как научного светила, в пух и прах разносит выстроенную им теорию происхождения и передачи власти?

Влад подошел к столу, раскрыл папку, посмотрел на титульный лист. *Запретный плод сладок*. Время шло, драгоценное время. «В конце концов, я могу его обмануть. У меня есть полное право поступать так, как я считаю нужным». Влад перевернул страничку. Первый абзац: «*Периоды прав-*

ления римских императоров, несмотря на острый дефицит новых источников информации, мы рассмотрим при помощи метода количественного анализа с целью разобраться в сути династического параллелизма...»

И что? Светопреставления не произошло. Стены не рухнули. Профессор не упал в глазах Влада... Он сел за стол, склонил коленчатый держатель настольной лампы.

Первая половина книги Влада разочаровала («И ради этого стоило профессору так нервничать? Ведь он не ортодоксальный христианин и даже не ходит в церковь!»). Муссировалась ставшая в последнее время модной тема небожественного происхождения человека, известного под именем Иисус Христос. Автор рукописи предлагал христианам всей планеты отказаться от заскорузлых догм о земной жизни Христа, взятых из четырех Евангелий, как от абсолютной и бесспорной истины, ибо в реальности Сын Бога мог выглядеть совсем по-другому, говорить иные слова и даже проповедовать в другой стране. Тысячелетия истории человечества, по мнению автора, обязательно исказят образ любой харизматичной личности до неузнаваемости, вплоть до полной его противоположности. Всякий авторитетный образ, обладающий властью и магической силой воздействия на людей, будет обязательно редактироваться и переписываться в угоду церкви и пришедшим к власти царям всевозможными летописцами, переводчиками, богомазами и прочими «журналистами».

Следовательно, подводит к выводу автор, мы не знаем и не можем знать, как на самом деле выглядел Иисус Христос, что он на самом деле говорил, действительно ли был рожден Марией без участия Иосифа, действительно ли лечил незрячих, оживлял умерших, ибо мы не располагаем не только видео- и фотоаппаратурой, не только аудиозаписями, но даже примитивным карандашным наброском портрета Мессии. *«Но я ни в коем случае не ставлю под сомнение само существование человека, называвшего себя Иисусом Христом, – говорилось в рукописи, – и полностью поддерживаю утверждение польского писателя Зенона Косидовского, что "нет никаких логических причин отрицать историчность Иисуса, поскольку в Палестине того времени подобного рода бродячие проповедники, пророки и мессии были обыденным явлением"».*

Вторая часть рукописи, как показалось Владу, была написана то ли другим человеком, то ли в спешке. Она представляла собой обрывочные сведения о некоторых правителях Древнего Рима, которые, словно эстафету, несли из поколения в поколение некую *Тайну Власти*, первоисточником которой на итальянской земле был Понтий Пилат.

«Вот это да! – подумал Влад, от волнения потирая затылок. – На это же призрачно намекал Сидорский в своей книге «Формула Власти»! И к этому же выводу пришел и автор этой рукописи».

Влад вспомнил, как остро отреагировал Сидорский на его упрек, что в книге «Формула Власти» есть места, словно на-

рочно написанные эзоповым языком. Тогда профессор выронил стакан, он был бледен, на его лбу выступила испарина. Он будто испугался того, что Влад может пересказать за-таенные мысли и выводы Сидорского *нормальным* языком и обнародовать их. Тогда раскроется то, что профессор по какой-то причине хотел скрыть от людей.

«О Тайне Власти упоминается также в нехристианских источниках II века, – читал дальше Влад. – Там же мы находим подтверждение того, что Понтий Пилат был посвящен в нее самим Иисусом Христом. Проповедник, объявивший себя Сыном Божьим, был не только гениальным психологом, но и носителем некоей Тайны, при помощи которой воздействовал на людей на уровне подсознания и покорял их волю в абсолютной степени. В поиски Тайны были вовлечены многие великие люди, жаждущие власти; на протяжении столетий они искали ее содержание, дающее исключительное право объявить себя Посланцем Бога на Земле...»

«Нет, это не моя тема, – подумал Влад, отрываясь от чтения. Он был взволнован. Захотелось кофе. Он вышел на кухню, распахнул окно настежь. – Я ничего об этом не знаю. Это тема профессора. Теперь мне понятно, почему «наследники Христа» сначала пришли к нему, а уж потом – ко мне. Они решили, что коль я ученик Сидорского, то хорошо разбираюсь в этом вопросе и смогу написать грамотный отзыв».

Задумавшись, Влад упустил момент, когда кофе черной волной устремилось из турки наружу и выплеснулось на кон-

форку. Зашипел раскаленный металл. Кухня наполнилась крепким запахом жженого кофе.

Профессор лукавил, называя эту рукопись антинаучным бредом. Судя по едва заметным следам карандаша на полях, он ее прочитал от начала и до конца, причем прочитал весьма внимательно. Профессорские условные знаки Влад знал очень хорошо, ими были испещрены все его работы, которые рецензировал Сидорский. Например, двумя вертикальными линиями на поле Артем Савельич обозначал сильные места рукописи, а одиночной волнистой те, которые, по его мнению, содержали сомнительные высказывания. Восклицательный знак можно было перевести как похвалу: «Неплохо, юноша! Так держать!». А вот вопросительный знак означал крайнюю степень профессорского недовольства: «Глупость!» Профессор даже выводил знак вопроса на манер буквы «z». Все свои пометки на этой рукописи он пытался стереть резинкой, но от карандаша остались вмятины, и Влад без труда определил, с каким утверждением профессор соглашался, а какое ставил под сомнение.

«Почему же он не хотел, чтобы я читал эту работу?» Может быть, профессору было стыдно, что его выводы, о которых он лишь намекнул в «Формуле власти», четко и лаконично изложены в рукописи никому не известного историка? И свое поражение профессор попытался скрыть от Влада?

Влад еще раз прошелся по тексту, отыскивая едва различимые пометки профессора. С чем согласился Сидорский, а

что отмел напрочь?

Стоп, а это еще что такое? Влад взял лист, поднес его к настольной лампе и глянул через него на свет. Да, это что-то новое. Напротив строчек «...*Тайны, при помощи которой воздействовал на людей на уровне подсознания и покорял их волю в абсолютной степени*» была сделана какая-то нестандартная пометка. Профессор старательно затер ее ластиком, но на плотной лощеной бумаге для принтера сохранилась вмятина... Что-то похожее Влад уже где-то видел... Кружочек с хвостиком... Или это буква «ю»?

Влад перевернул страницу, посмотрел на нее с обратной стороны. Похоже на «ю», написанную торопливо и размашисто, что красноречиво говорило об эмоциях и переживаниях профессора, которые он испытывал во время чтения рукописи. Но что может означать одна буква?

Влад снова прочитал строки, рядом с которыми Сидорский поставил букву... Может быть, Артем Савельич хотел написать какое-то слово, но остановился, побоявшись выдать свое отношение к тексту? А какое здесь уместно слово?

Влад подошел к стеллажу с книгами, вынул толковый словарь. Слов, начинающихся на «ю», как кот наплакал. «Юбилей»? «Ювелир»? «Юг»? «...*покорял их волю в абсолютной степени*». «Юг»? Да уж понятно, что библейские события происходили не на севере. Нет, «юг» здесь ни к чему. Может, «Юпитер»? Или «юриспруденция»?

Не то, не то! Влад невольно покрутил головой. Должно

быть, профессор намеревался написать чье-то имя, начинающееся на «Ю». «...покорял их волю в абсолютной степени». Но какое тут еще может быть имя, если речь идет об одном-единственном человеке – Иисусе Христе?

Глава 10

Угадал! Зацепился!

Профессор Сидорский, несмотря на поздний час, не спал. Он в волнении ходил по огромной «академической» комнате, где запросто можно было бы разместить три рояля да еще оркестр Луиса Армстронга. Профессор мня сухие тонкие ладони, щелкал шишковатыми пальцами, качал головой. «Старый дурак! Если я хотел сохранить *это* в тайне, то нельзя было упоминать ни намеком, ни полунамеком, ни четвертинкой намека. На что понадеялся? Кто меня за язык тянул?»

Он взял всю вину на себя, посыпал голову пеплом и каялся, каялся. Время пришло. Монстр проснулся, зашевелился, возжелал вырваться наружу, подобно вулкану, много веков проспавшему и не нарушившему покоя. А коль время пришло, то достаточно искры, достаточно отмашки, достаточно одного слова, чтобы песчинка за песчинкой, камешек за камешком, булыжник за булыжником, и запустится механизм, ворочающий горы.

«У него светлая голова, у Влада Уварова, – думал профессор, вынимая из книжного шкафа телефонный справочник. – Он умнее, чем я думал. Он докопается до истины, даже не представляя, какого джина может выпустить из бутылки. Никто из живущих на земле не вправе обладать этой *Тайной*, ибо слишком велика сила, слишком велик риск до-

пустить ошибку и вызвать катастрофу...»

Он вспомнил, какой ужас испытал, когда на пороге его квартиры появились «наследники Христа». Как ученый, он знал, что все величайшие открытия человечеству ниспосланы Богом, каждое открытие происходит строго на определенном этапе развития *homo sapiens*, его восхождения по лестнице совершенства. И к своему открытию он пришел не один. Гости подтвердили это. В рукописи, которую они принесли, тоже был намек, но более агрессивный, оформленный, требующий немедленного развития и прояснения деталей.

Он читал рукопись, и руки его дрожали. Какое мужество понадобилось, чтобы вести себя с гостями естественно и ничем не выдать своего беспокойства. «Вы давно занимаетесь кратологией? Почему я об этом спрашиваю? Должно быть потому, что кратология – это не ваша область деятельности. Вы дилетанты. Вы вопиюще безграмотны в вопросах власти. Ваша рукопись – ярчайший образец бездарности и скудоумия. Причем, ваша умственная ограниченность воинственна! Вы пытаетесь посадить в благодатную почву науки мертворожденную рассаду, которая никогда не взойдет и не даст плодов... Не обижайтесь, но я вам даже не подам *руки*...»

Старый дурак! И как эта последняя фраза только соскочила с его губ! Мать Анисья поняла, что он *догадался*.

Он выдворил гостей из квартиры, но они не успокоились и пошли к Владу. Это сильный и точный ход! Кто еще им

нужен, как не лучший ученик профессора Сидорского! Лучший, но Влад не посвящен. Он не знает, насколько *это* опасно. Атомная бомба в сравнении с *этим* – детская забава.

Но надо успокоиться, надо взять себя в руки. Профессор должен сосредоточиться и убедить Влада в том, что тот ошибается. Профессор должен найти неоспоримые доводы. Не просто сильные, но могущественные аргументы! Он должен с неудержимой последовательностью раздавать, искалечить, похоронить какое бы то ни было сопротивление Влада, с чудовищной простотой и безапелляционностью, как молот ударяет по наковальне, поставить точку в его сомнениях – нет! нет! нет! Никакого тайного сговора не было, никакой эстафеты, все это вредный вымысел, позор для науки. Только личностные, извечные, как мир, качества позволили руководителям достичь вершин власти, только ум, жестокость, воля, храбрость и хитрость. Только это, только это и ничто другое, аминь!

Профессор вынул из шкафа теплую и немного колючую кофту, стал надевать ее. Во-первых, изъять у Влада рукопись, эту отраву. Убедить его по телефону не удалось. Не дай Бог, Влад прочитает рукопись. Наивно полагать, что молодой и горячий ученый послушает невнятные просьбы старого учителя. Сидорский не привел ни одного веского аргумента против рукописи. Его мольбы напоминали старческое брюзжание и немотивированное упрямство. Изъять рукопись надо просто силой. Не станет же Влад драться со ста-

риком? А Сидорский изрубит топором все листочки, сожжет и пепел развеет с вершины Чатыр-Дага, чтобы никому не досталось ни одной крошечки, ни одной буковки. Но этого мало. Надо срочно лететь в Италию. Срочно! Сию же минуту! Если, конечно, еще не поздно.

Он так и не смог справиться с охватившим его волнением, и потому движения его были хаотичны. Подошел к книжной полке, достал справочник по Италии. Тотчас кинул его и продолжил застегивать большие зеленые пуговицы на кофе. И снова взялся за справочник. «Что мне известно доподлинно? Что одна из двух ветвей эстафеты состояла из римских императоров и военачальников. Если не принимать во внимание малолетнего Августа, то все остальные собирали Тайну по фрагментам, отнимая, выкупая или выкрадывая их... Полжизни профессор соединял воедино звенья огромной исторической цепочки. Он вычислил почти всех, кто был посвящен в Тайну. Но цепочка оборвалась. Когда-то, где-то, на ком-то. Последние два обладателя Тайны унесли ее с собой в могилу. И все же имя одного из них профессор почти готов был назвать. Это... это... Тайна была столь страшна, что Сидорский невольно оглянулся, дабы убедиться, что в комнате нет никого, кто бы мог подслушать его мысли... Так на ком сделать выбор? Венеция или Рим? Рим или Венеция?»

Он бегло полистал, нашел главу, посвященную катакомбам. «*Рим стоит на множестве катакомб, многие из них*

со временем обрушились. Лучшие иных сохранились катакомбы св. Каллиста. Именно там находится знаменитая Папская пещера, в которой покоятся останки пап и мощи святых. Этот уникальный исторический памятник, названный в честь Папы Каллиста, был построен в 217 г...» Нет, нет, там *пусто*. Все произошло намного позже, когда катакомбы Каллисто были уже заполнены.

Профессор искал глазами, желая найти карандаш или календарик, что можно было бы использовать в качестве закладки, но не нашел ничего подходящего и загнул кончик страницы. «Я могу опоздать. Если уже не опоздал. Венеция, вот это место. Конечно, Венеция. Последнее пристанище... Но сначала надо отыскать домашний адрес Влада. Где-то я его записывал. И никаких телефонных звонков! Я свалюсь к нему, как снег на голову. Я отниму у него рукопись и сожгу ее!»

Отыскивая записную книжку, профессор задел антикварный столик, на котором стоял телефон. Едва успел поймать аппарат. Очень кстати он попался ему под руку! Сидорский стал набирать номер справочной аэропорта.

– Девушка, доброй ночи! Мне нужно срочно в Венецию... В Венецию! Вы тоже плохо слышите? Нет, это не в Луганской области, это город в Италии... Об этом не беспокойтесь, у меня полугодовая виза... По вторникам и четвергам? То есть, завтра утром? А раньше?.. Раньше – это значит прямо сейчас... Чартерный, с пересадками – что угодно... Жаль...

Ну ладно... Запишите мою фамилию...

Какая бестолковая билетерша! Профессор положил трубку и вышел в прихожую. Он уже сунул руку в рукав плаща, как вспомнил, что все еще не нашел записную книжку с адресом Влада. Пришлось возвращаться. И не лишним будет взять с собой деньги. Грязные деньги! Ибо то, что хотела от профессора та женщина с длинной косой, – грязное желание. Грязнее не бывает. Почему же Сидорский понял это только сейчас? Желание наркомана уколиться во время ломки не сравнимо с той неодолимой, нечеловеческой ЖАЖДОЙ, какое испытывали что женщина с длинной косой, что «наследники Христа», появившиеся вдруг в жизни профессора в образе черной шторы, заслонившей собой его светлый и теплый закат.

Глава 11

Влад прочитал рукопись, и ему захотелось выйти на балкон, вдохнуть влажного ночного воздуха. «Что я должен написать? Они пришли ко мне не ради рецензии. Они хотят, чтобы я помог им найти концы той ниточки, по которой веками струилась некая Тайна Власти».

Влад едва сдержался, чтобы не позвонить Сидорскому. Уже поздно, профессор наверняка спит. Но завтра утром Влад обязательно объяснится с ним. Он найдет нужные слова, объяснит, что у него не было другого выхода, кроме как прочитать рукопись. Потому что он дал гостям слово. В конце концов, он получил от них деньги. Он обязан был выполнить работу. Вопрос теперь в том, как ее выполнить. Если профессор уверен, что рукопись – антинаучный бред, то пусть убедит в этом Влада, разложит все как по полочкам, с аргументами, выкладками и доказательствами. Пусть прокомментирует свои пометки на полях: почему тут две ровных черты, а здесь – одна волнистая, почему здесь восклицательный знак, а в этом месте – буква «ю», и что эта «ю» означает... Пусть все объяснит.

Влад померил температуру. Тридцать семь и семь. Такую температуру («ни туда, ни сюда»), врачи называют субфебрильной. Налил в чашку горячей воды, добавил по ложке соды и соли. Этим едким раствором он прополоскал гор-

ло. Влад уже не помнил, кто ему дал этот рецепт, но, при некоторой степени самовнушения этот раствор помогал. Но болезненное горло – не самое неприятное в болезни. Влад боялся сна. Когда его лихорадило, ему всегда снились тяжелые и необыкновенно выразительные сны. Из-за этой выразительности терялась граница между сном и явью, и этим сны были страшны. Влад знал, что сегодня Морфей вновь заставит его кричать и метаться в бреду, окунет в черное, как деготь, море цифр, событий и имен, и они, материализованные, похожие на огромных скользких лягушек, будут ходить по нему, прилипая к спине и груди холодными лапками.

Долгая, холодная весенняя ночь!

Он отставил стакан с раствором, вытер губы полотенцем, и вдруг по квартире разнеслась трель звонка. Влад вздрогнул и невольно кинул взгляд на часы. В такое время к нему никто и никогда не приходил. Неужели, это снова Мать Ани-сья и Леонтий? Но ведь Влад обо всем с ними договорился. Определил срок – два дня.

Ему стало тревожно. Ночные звонки редко когда несут добрую весть. Ночной звонок – это почти всегда форс-мажор, ЧП, нечто безотлагательное, экстренное.

Он приблизился к двери, посмотрел в глазок. На лестничной площадке, поправляя на голове промокшую фуражку, стоял милиционер. Рядом с ним – молодой человек в демисезонной куртке. Оба смотрели себе под ноги, словно провинившиеся школьники.

Влад открыл. Милиционер глянул на мятую бумажку, которую держал в руке, как на шпаргалку.

– Влад Уваров здесь живет?

Мужчина в куртке, едва ли не вставая на цыпочки, старался заглянуть в слабо освещенную прихожую.

– Да, здесь. Это я.

А в голове уже тысяча версий: затопил соседку, задолжал за коммунальные услуги, проехал на красный свет, нарушил правила ввоза товаров через таможню...

– Вы один? – спросил мужчина в куртке. – Мы можем зайти?

«Это из-за «наследников»! Сейчас мне предъявят обвинения в незаконном предпринимательстве!»

Влад пожал плечами и отступил в сторону. Милиционер символически вытер ноги о половичок и зашел в прихожую первым. Мужчина в штатском за ним. Они без спроса осмотрели комнаты, заглянули на кухню и в ванную.

– Я следователь прокуратуры Герасимов, – представился мужчина в штатском. – Насколько я понял, вы кого-то ждете?

– Нет, – ответил Влад, не до конца уверенный в том, что сказал правду. Разговор был очень неприятным. На Влада обрушилось унижительное чувство, что его вынуждают оправдываться. – Кого я могу ждать глубокой ночью?

– А почему... – следователь не договорил, посмотрел на люстру и сделал движение рукой, словно очертил круг. Его

интересовало, почему в таком случае во всей квартире горит свет.

– Я работаю... Я часто работаю по ночам.

– А кем вы работаете?

– Учителем истории в тридцать шестой школе.

И следовательно, и милиционер ужасно тянули время. Они переглядывались, переступали с ноги на ногу, терли носы.

– Значит, вы никого не ждете? – еще раз уточнил следователь. – К вам никто не должен прийти?

Влад не стал повторять, лишь отрицательно покрутил головой.

– Вы не могли бы пройти с нами? – вежливо и даже заискивающе предложил следователь.

У Влада мурашки побежали по спине. Ночь. Люди из прокуратуры. Дождь за окном... Наверное, в нем сидела запуганная генетическая память.

– Пройти? – переспросил он. – А куда?

– Здесь недалеко, – обнадеживающе улыбнулся милиционер. – Только зонтик прихватите, там льет как из ведра!

«Если зонтик, то, значит, у подъезда не стоит «воронок», и не в прокуратуру меня приглашают».

Влад кивнул и стал одеваться. Натягивая свитер, он заметил, что у него дрожат пальцы. Следователь, заложив руки за спину, медленно прохаживался по комнате. Он разглядывал картины и стеллажи с книгами, словно это были музейные экспонаты. Влад краем глаза наблюдал, как следователь по-

дошел к столу и склонился над рукописью. Трудно сказать, привлекла ли его работа, появилась ли в его пытливом сыщицком уме галочка – никакие эмоции не пробивались наружу, и лицо по-прежнему ничего не выражало.

Они вышли на улицу. Влад замедлил шаг, пропуская милиционера и следователя вперед – уж очень ему не хотелось идти впереди, как под конвоем. Немногословные блюстители порядка не стали возражать. За все время недолгого пути они даже не обернулись, и будь Влад преступником, желающим избежать наказания, – то с легкостью убежал бы от них.

Троица пересекла сквер, где в свете фонарей дрожали мириады мелких капель, а затем вышла на бульвар. Тут Влад увидел, что впереди, у троллейбусной остановки, стоит милицейский «УАЗ» с включенными проблесковыми маячками. Машина стояла на поперек дороги, перегораживая проезжую часть. Рядом, наехав боковыми колесами на тротуар, припарковалась «Скорая помощь». Несколько темных фигур в полной неподвижности замерли у фонарного столба.

У Влада учащенно забилося сердце. «Что там случилось? А при чем здесь я?»

Какие-то незавершенные догадки хлынули в его сознание, и Влад, словно желая закрыться от них, провел ладонью по влажному лицу.

Следователь почувствовал это движение, обернулся и пытливо взглянул на Влада.

Они подошли к группе мужчин. Круг разомкнулся, подоб-

но черному завесу в сюрреалистическом театре. Милиционер и следователь остановились и сделали шаг назад, пропуская Влада вперед.

С затаенным дыханием, чувствуя, как стремительно слабеют ноги, он медленно вошел в круг и остановился.

Наверное, он бы крикнул, если бы горло не свело судорогой от безграничного ужаса.

Глава 12

На боку, поджав ноги к животу, лежал профессор. Труп иного человека мог бы вызвать у Влада сомнение, мало ли что в плотных сумерках покажется. Но Сидорского, изуродованного горбатостью, нельзя было спутать ни с кем. Профессор был мертв. Свет неоновой фонаря выбеливал и без того бледное, обескровленное лицо покойника. Один глаз его был приоткрыт, будто профессор исподтишка подглядывал за происходящим, а второй невозможно было разглядеть, несчастный бровью упирался в асфальт. Вокруг шеи расплзлось темное пятно; кровавой ручей, разбавленный дождем, стекал по бордюру.

Зрелище было мучительным. Старый инвалид, который восхищал Влада силой воли и могуществом мысли, сейчас лежал на мокром асфальте, и его скомканное тело, как бы завернутое в натуральное кашемировое пальто, выражало покорность и бесконечно глубокое несчастье. Человек, который как никто другой знал механизм власти до мельчайших деталей, оказался жертвой чьей-то недоброй воли.

Влад приложил ладонь к своему лбу и, не смея отвести глаза от сломанной фигуры, медленно качал головой. Мужчины, обступившие его, не без интереса наблюдали за ним.

– Вам знаком этот человек? – спросил следователь. Он смешался с группой безликих молчаливых мужчин и стал

незаметен.

– Да... Это профессор Сидорский Артем Савельич.

– Вы в этом уверены?

– Уверен.

– Вы знаете, где он живет?

– Знаю... Рядом...

Влад поднял голову, посмотрел на темные дома, мерцающие желтыми огнями перекрестки, залитые лужами. Да, профессор живет рядом. Вот там, за круглым дорожным знаком, темнеет вход в арку. Если зайти в нее, то как раз окажешься напротив академического дома.

Кто-то из-за плотного строя мужчин сфотографировал Влада. Вспышка ослепила его, и некоторое время в глазах стояло зеленое пятно.

– Я хочу еще раз задать вам вопрос, который уже задавал, – произнес следователь. – Вы ждали профессора? Вы должны были сегодня встретиться с ним?

Должен был? Влад хотел с ним встретиться, это правда. Но разве встреча была оговорена? Как понять вопрос следователя? Влад не ждал профессора, Влад собирался лечь спать!

– Я никого не ждал, – ответил Влад. – Я уже говорил.

Следователь взглянул на милиционера, который его сопровождал, и милиционер протянул ему клочок бумажки. Следователь бережно развернул его, внимательно посмотрел на него и, наконец, показал его Владу.

– Мы нашли это в кармане убитого... Вам знаком почерк?

Влад посмотрел на бумажку. В глазах двоилось. Болезнь, ночь и шокирующее известие давали о себе знать. Но почерк он узнал. Сколько рецензий, исполненных этими мелкими, неряшливыми буквами, Влад прочел!

– Это его почерк, – сказал он.

– Скорее всего, профессор шел к вам, – сделал вывод следователь, пряча бумажку в карман плаща. Затем он вытянул руки в стороны, как регулировщик на перекрестке: одной рукой он показывал на дом Влада, другой – на академический дом. – Но вы даже не догадывались об этом?

Влад отрицательно покачал головой. Профессор шел к нему. Ночью! В дождь! Зачем? Не для того ли, чтобы убедить не читать рукопись?

Следователь задал тот же вопрос: что профессору было нужно от Влада?

«Если я скажу ему про рукопись, то ее немедленно подожгут к уголовному делу! И у нее появится еще как минимум два десятка читателей. А профессор просил, *умолял* меня не читать ее и немедленно сжечь. Это его воля. Я не имею права...»

– Понятия не имею, что ему было надо, – произнес Влад.

– Понятия не имеете, – повторил следователь и посмотрел себе под ноги. Под его туфли устремился кровавый ручеек, и следователь отступил на шаг. – Плохо, что не имеете. А думаете как? Ведь должно же у вас быть какое-нибудь пред-

положение?

– Ну... разве что... самое нелепое...

«Только бы не проговориться! Только бы не выболтать про рукопись!»

– Давайте нелепое!

– Например, потрепаться об истории.

– В два часа ночи?

– Профессор знал, что я на больничном, что мне завтра не идти в школу. Видимо, он решил, что я отосплюсь днем.

«Этот ответ устроил бы только идиота... Он мне не верит».

– Потрепаться об истории... – повторил следователь, будто прокрутил магнитофонную запись. Отвратительный метод допроса! От собственных фраз, повторенных другим человеком, становится стыдно. – Скажите, а вы разговаривали с ним по телефону?

– Когда разговаривал? – машинально переспросил Влад, чувствуя, что его голос начинает слабеть. Люди, окружающие его, зашевелились, переступили с ноги на ногу. Так они отреагировали на явное притворство и лукавство. Вопрос следователя был совершенно ясным и простым, он не требовал уточнения.

– Ну, скажем, сегодня днем. Или вечером.

Дюжина глаз, похожих на оптические прицелы, уставилась на Влада. Это ловушка! Если Влад скажет, что никаких разговоров по телефону не было, то поймать его на лжи бу-

дет очень легко – достаточно запросить на АТС распечатку звонков.

– Да, мы перезванивались вечером, – признался Влад.

Толпа обмякла. Следователь проводил показательный допрос. Преступник медленно и уверенно «кололся». Два санитары в синей спецодежде переложили тело профессора на носилки. Они пытались повернуть его на спину, но тело упрямо перекачивалось на бок – горб мешал.

– И о чем вы говорили? – продолжил допрос следователь.

– Об императорах Нероне, Марке Аврелии...

Толпа издала вздох – то ли недоверия, то ли насмешки.

– И все? – спросил следователь, и голос его показался Владу веселым.

– Разве этого не достаточно? Только об одном Марке Аврелии мы могли говорить с профессором часами.

Следователь замолчал. То ли вопросы его иссякли, то ли он раздумывал над тем, что же такого представляли собой императоры, чтобы о них говорить часами. Пауза затянулась. Молчание следователя Влад расценил как перешедшую к нему очередь задавать вопросы.

– Его убили? – спросил он, глядя на то, как санитары затаскивают носилки в машину.

– Убили, – нехотя и односложно добавил следователь, ослабил узел галстука, покрутил шеей, освобождая ее от гнета воротника, и добавил: – Но сначала он пытался кого-то убить.

Глава 13

Милиционер поехал сопровождать машину «скорой помощи» в морг. Двое мужчин, по видимости, оперуполномоченные, включили фонарики и стали прочесывать сквер, освещая мокрую чахлую траву и кусты. Следовательно, склонившись у горячего капота автомобиля, рассматривал в свете фар связку ключей. Влад сразу узнал брелок в виде креста со скошенными и заточенными концами. Ключи принадлежали профессору.

– Что это? – спросил следователь, поднося брелок к глазам Влада.

– Крест *крампоне*... Нет-нет, вы не правильно поняли. К нацистскому символу он не имеет никакого отношения. Это геральдическое обозначение свастики, и его название происходит от слова «сгампон», что переводится как «альпинист-

ские кошки».

– Профессор был альпинистом? – хмыкнул следователь.

– Нет, он не был альпинистом, – сдержанно заметил Влад, холодным тоном показывая, что считает шутку следователя неуместной. – Брелок ему подарили в итальянском отеле «Сильвер Крампон» в Л'Акуиле, где он проводил семинар.

– Но здорово смахивает на фашистскую свастику, разве не так? – гнул свое следователь, внимательно рассматривая брелок.

– Если у свастики "ножки" развернуты влево, придавая ей вращение по часовой стрелке, – объяснил Влад, – то это обозначает Свет и Добро. А если против, то Тьму и Зло. Фашистская свастика вращается против часовой стрелки. А вообще концы креста интерпретируются как символы ветра, дождя, огня и молнии.

– А если так? – следователь подкинул брелок на ладони, переворачивая его обратной стороной, и хитро глянул на Влада.

– Но вы же видите, что эта сторона шершавая, не отполированная... Что вы на меня так смотрите? Это сувенир, безделушка, она никак не характеризует профессора!

Следователь держал ключи двумя пальцами, крест покачивался у самых глаз Влада.

– Вы уверены, что это всего лишь безделушка?

– Совершенно!

– Тогда, может быть, вы сможете объяснить, почему про-

фессор пытался избавиться от креста?

– Что значит избавиться?

– Сначала он пытался отцепить его от связки ключей, но спиральное кольцо оказалось пережатым цепочкой, и снять с него что-либо без помощи пассатижей было невозможно. Тогда профессор просто закинул всю связку в кусты.

– Не понимаю, – произнес Влад. – Зачем он это сделал?

– Вот и я хотел бы это понять... Вот что, молодой человек.

Ведите-ка вы нас в квартиру профессора.

– Я могу отказаться?

– Это не в ваших интересах. И вообще... Если не ошибаюсь, он был вашим учителем?

– Допустим.

– Неужели вы не хотите помочь следствию найти и наказать убийцу?

«Прежде я хочу, чтобы ты ничего не узнал о рукописи», – подумал Влад. Он колебался недолго. Все же стоило проводить сыскарей в квартиру Сидорского. Это не только поможет следствию. Это поможет Владу понять, с какой целью профессор ночью, без предупреждения пошел к нему.

На этот раз Влад шел первым, а за ним, словно слепцы за поводырем, шли следователь и еще трое мужчин в штатском. Следователь поигрывал ключами, они тихо позвякивали в его руке. Вот темный подъезд с козырьком, украшенным лепниной. Тяжелая дверь открылась со скрипом, звякнуло стекло в разохшейся от старости раме. Влад вспомнил, как

он, затаившись этажом выше, следил за дверью профессорской квартиры, и как тусклый луч на мгновение осветил лицо женщины с косой. Спустя почти полгода он случайно увидел ее по телевизору, и сразу узнал. «Еще раз убеждаюсь, — подумал он тогда, — что политика — грязное дело».

— Он живет... жил один? — спросил следователь, когда вся группа поднялась на третий этаж и остановилась рядом с темной дверью.

Влад кивнул, но следователь почему-то надавил на кнопку звонка, выждал некоторое время, и лишь потом вставил ключ в замочную скважину. Кто-то из штатских стал обзывать соседние квартиры. Нужны были понятые.

— А что делал Сидорский в этом... как вы сказали... в Курмайоре?

Следователь уже отпер замок, надавил на ручку, но не стал открывать дверь и вопросительно взглянул на Уварова.

— Читал лекции.

— Курмайор, если не ошибаюсь, это горнолыжный курорт?

— Да. Но в межсезонье там проводятся студенческие семинары.

Дверь медленно отворилась. В квартире горел свет.

Глава 14

Оттолкнув застрявшего на пороге Влада, следователь Герасимов вбежал в квартиру. Остановившись в холле, он посмотрел по сторонам и ринулся в гостиную. Полы его плаща шелестели, на полу отпечатались мокрые следы. Его помощники тоже поспешили осмотреть квартиру, хотя и не проявили столь завидное рвение.

Наконец, все оперативная группа собралась в холле. Мужчины отрицательно покрутили головами. В квартире не было никого.

– Должно быть, профессор забыл погасить свет, – предположил следователь.

– Он боится темноты, – подсказал Влад, к месту вспомнив, что Сидорский всегда носил в кармане пиджака маленький сигарообразный фонарик, и включал его всякий раз, когда заходил с улицы в подъезд – независимо, днем это было или вечером.

Сыщики снова разбрелись по квартире, но на этот раз они осматривали все предметы более обстоятельно. Влад стоял в прихожей, глядя на покореженный кусок жести с отчеканенными на ней словами: *"Величие Рима – это не мрамор сената, это песок Колизея"*. Невозможно было поверить в то, что профессор убит. Нелепица! Бред! Эти стены, пропитанные запахом истории, не могут существовать без него, без его ло-

манной фигуры, шаркающей походки и строгого взгляда из-под разросшихся и лохматых бровей.

Следователь выглянул из гостиной, пощелкал пальцами и жестом пригласил Влада зайти.

– Вы часто бывали здесь? – спросил он.

– Не так, чтобы часто...

– Посмотрите, все ли здесь так, как прежде? Не бросается ли вам в глаза что-нибудь особенное?

За спиной Влада кто-то громко зевнул. Он обернулся. В дверях стояли две женщины в одинаковых махровых халатах. Лица обеих были подпухшими, бледными, лоснящимися от ночного крема. Понятые.

Влад зашел в гостиную. Комната казалась необыкновенно просторной из-за того, что через большой овальный проем в стене была видна профессорская спальня. Дверей в проеме не было. Обе комнаты словно перетекали друг в друга через горловину, напоминая колбы песочных часов. У балконной двери стоял допотопный буфет с полированными и ограниченными стеклами. В этом буфете Сидорский хранил сливовую наливку собственного приготовления. Он не признавал никаких спиртных напитков, кроме этой наливки, и охотно угощал ею Влада. Над круглым столом, который, как и положено, занимал центральную часть комнаты, низко нависал абажур лампы. На столе в беспорядке лежали бумаги, записные книжки и путеводитель по Италии. Влад обратил внимание, что записная книжка раскрыта на той странице, где

среди неряшливых записей значился его домашний адрес и телефон.

– Ну? – поторопил следователь.

– Во всяком случае, мебель на месте, – ответил Влад.

– Ничего необычного не замечаете?

– Адресная книжка открыта на моей фамилии.

Следователь скривил губы.

– А что здесь необычного? По-моему, как раз естественно... Посмотрите на буфет, на книжные полки. Все, как прежде?

Влад подошел к книжным стеллажам. Библиотека у профессора была огромной, и чтобы достать книгу с самой верхней полки, необходимо было воспользоваться трехметровой стремянкой. Некоторые книги из библиотеки профессора были знакомы Владу. Он пользовался ими во время работы над диссертацией.

– Сумка! – донесся голос опера из спальни.

Следователь листал туристский справочник, лежащий на столе.

– Ну, сумка! – с легким раздражением отозвался он. – Дальше что?? В ней пуд героина? Или расчлененный труп?

– Комплект белья, Игорь Васильевич, рубашки, спортивный костюм, домашние тапочки... Еще бритвенный прибор... Похоже, Сидорский собирался в дорогу.

Следователь вопросительно взглянул на Влада.

– Куда он собирался?

Влад пожал плечами.

– Не знаю. Насколько мне известно, в ближайшие месяцы профессор никуда не собирался. Недели не прошло, как он вернулся из Италии.

Следователь никак не отреагировал на слова Влада. Он снова заинтересовался справочником.

– Он всегда загибал страницы?

Влад подошел к следователю, через его плечо глянул на страницу справочника. Следователь, не дожидаясь ответа, вслух зачитал:

– *«Рим стоит на множестве катакомб, многие из них со временем обрушились. Лучшие иных сохранились катакомбы св. Каллиста...»*

Захлопнул справочник, шлепнул им по ладони и пытливо взглянул на Влада.

– У меня складывается впечатление, дорогой мой Уваров, что профессор собирался в Рим. И вы об этом прекрасно знали.

– Поверьте мне, что ваше впечатление обманчиво, – ответил Влад.

– И еще вы прекрасно знали, – не обращая внимания на замечание Влада, добавил следователь, – что профессор должен был навестить вас сегодня ночью. Не мог старик отпра-
вился глубокой ночью туда, где его никто не ждет. Понимаете? Не мог!

– Вы меня в чем-то подозреваете?

– Я вам скажу об этом, когда сочту нужным. У вас есть, что еще полезного сообщить мне?

Вместо ответа Влад снова повернулся к книжным стеллажам. До чего ж занудный мужик! Накручивается на шее, словно удав, ничему не верит и отбивает всякую охоту говорить. Но в одном он, пожалуй, прав: Сидорский собирался в дорогу. Дорожная сумка с вещами первой необходимости, раскрытый справочник по Италии, зажженный во всей квартире свет... Атмосфера грядущего отъезда. В Рим? Но почему так неожиданно? Профессор ничего не говорил Владу о том, что намерен срочно уехать. Мало того, вернувшись из Курмайора, он жаловался, что очень устал и ни в какую поездку его теперь силой не отправишь. А тут вдруг стал собираться, как по тревоге.

«Рукопись! – подумал Влад. – То, что случилось с ним и со мной – не заурядный случай. Это чрезвычайное происшествие. И все вертится вокруг Тайны Власти, той самой Тайны, которую-де передал Понтию Пилату Иисус Христос... Сказка?»

Влад кинул взгляд на людей, расхаживающих по профессорской комнате, на их мокрые черные плащи, на дорожную сумку, в которую наспех были брошены вещи, на письменный стол, заваленный бумагами... Здесь витает смерть, реальнее которой ничего другого быть не может... Сказка?

– Да выключите же, наконец, приемник! – крикнулследователь. – Все уши уже прожужжали этим затмением солнца!

Из кухни доносилось тихое бормотание диктора. Сидорский никогда не выключал радиоточку, даже на ночь. Новости и музыка не мешали ему спать, он попросту их не слышал из спальни. Оперативник тенью прошел по комнате, скрылся на кухне. Выпуск новостей оборвался на полуслове.

«Я ведь знаю, кто его убил! – думал Влад. – Но молчу. А следователь видит меня насквозь, он все понимает...»

– Что они там тянут! – пробормотал следователь, взглянув на часы. Он нервничал. Он чего-то ждал.

Влад рассматривал ряды книг. «Профессор в пожарном порядке собирался в Рим. Его интересовали катакомбы Каллиста...»

Следователь словно читал мысли Влада.

– Катакомбы – это подземные кладбища? – спросил он, листая туристский справочник.

– Не только, – ответил Влад, не оборачиваясь – смотреть в колючие глаза следователя уже было невыносимо. – Вдоль древней Аппиевой дороги, например, тянутся подземные тuffовые галереи, которые еще иногда называют коеметериями. В них прятались и проводили тайные богослужения первые христиане. А что касается катакомб Каллиста, то это был официальный некрополь римских епископов.

– Что-то вроде подземного кладбища? Пещера с покойниками?

– Не совсем пещера, – возразил Влад. – Первые катакомбы выглядели как узкие галереи с погребальными нишами в

стенах. Их закрывали мраморными или терракотовыми плитам с надписями и рисунками. А позже появились сложные конструкции из нескольких этажей.

– Даже так? Из нескольких?

– Катакомбы Каллиста, например, имеют четыре этажа.

– И что профессор собирался там найти?

Вопрос был неожиданный, с подвохом. Простой следовательский трюк. Сначала расслабил Влада отвлеченными вопросами, а потом в этой же пачке подсунул молоток: колись, братец! «Если бы я знал ответ на этот вопрос!» – подумал Влад, и вдруг его взгляд упал на серый корешок тома Сенеки «Неистовый Геркулес».

И Влад тотчас вспомнил, что именно в этой книге он как-то видел пометку, сделанную рукой профессора. На поле, рядом с текстом, стоял тот же символ, похожий на букву «Ю». И запомнилось это Владу только потому, что значок был начертан в неожиданном месте, отчего показался Владу неуместным и случайным.

Глава 15

Телефонная дрель пронзила тишину, царящую в квартире профессора, кинжалом. Следователь кинулся в прихожую, где на антикварном столике стоял аппарат. Поднял трубку.

– Ну?! – нетерпеливо крикнул он.

Слушал недолго, молча. Опустил трубку, вернулся в гостиную. Теперь он поглядывал на Влада исподлобья. Взгляд следователя был тяжелым и недружелюбным. Некоторое время Герасимов расхаживал по комнате, раздумывая, как бы короче и эффектней закончить эту партию. Влад с деланным интересом смотрел на том Гайма «Вильгельм фон Гумбольдт», скрывая свой интерес к книге с пьесами Сенеки.

– Гражданин Уваров, – произнес, наконец, следователь. – Будьте так любезны, если это вас не слишком затруднит, повернитесь ко мне лицом... Вот так, хорошо! – Теперь следователь прожигал своим взглядом глаза Влада. Он широко расставил ноги и сунул руки в карманы. Не человек, а дуб! – Я вас спрашивал, с какой целью профессор мог прийти к вам ночью. И что вы мне ответили?

– Чтобы поговорить об истории.

– Чтобы *потрепаться* об истории! – повысив голос, поправил следователь. – Надо быть точным! И вы по-прежнему придерживаетесь этой версии?

«Я умру от любопытства, если не заглянул в книгу Сене-

ки!» – подумал Влад. Он вынул платок, высморкался. Голова раскалывалась, глаза слезились. Влад чувствовал себя пре-скверно.

– Да, – подтвердил он. – Я по-прежнему придерживаюсь этой версии.

Можно было подумать, что следователь получил удовольствие от этого ответа. Он даже усмехнулся, глаза его повлажнели.

– Отправляясь к вам поболтать об истории, – медленно, словно нехотя, сказал следователь, – профессор Сидорский прихватил с собой... – Он сделал паузу, покусал верхнюю губу. – ...прихватил с собой пластиковую бутылку с бензином... зажигалку... – После каждого слова следователь многозначительно молчал. – И туристский топорик... Поистине необходимые вещи для полуночного разговора об истории! Без них никак! Ни в какую! Так, Влад Уваров?

Влад молчал. Томик Сенеки не выходил из его головы. «Я должен посмотреть, где, на какой странице, рядом с каким словом или фразой профессор поставил значок, похожий на букву «Ю».

– И вот, – продолжал следователь, прохаживаясь по комнате и стреляя глазами в сторону Влада, – вооружившись этими предметами, профессор направился к вам. Шел он по прямой, через сквер, хотя там грязно, сыро и темно. Разумнее было бы пойти по улице Толстого, а затем свернуть на Цветочный бульвар – круг получился бы небольшой, зато

шел бы по чистому и хорошо освещенному тротуару. Но старик направился сквозь заросли мокрых и колючих кустов, по раскисшим газонам...

– Профессор не любил окольных путей, – пояснил Влад. – Он в жизни, как и в науке, всегда шел кратчайшим путем.

– Красивые слова, – кивнул следователь. – Но только прямой путь здесь не при чем. Профессор кого-то искал в сквере. И ради этой встречи он прихватил с собой топор и бензин.

– Вы думаете, что он собирался кого-то убить, а потом сжечь?

– Скорее всего.

– Если бы вы хорошо знали профессора, то, уверяю вас, подобные глупые мысли никогда не посетили бы вашу голову.

Следователь посуровел. Лицо его приобрело мстительное выражение.

– Я бы посоветовал вам следить за своей речью, молодой человек. Я получил заключение экспертов. В сквере профессор вел себя очень странно. Посреди газона он неожиданно остановился, словно увидел кого-то, после чего медленно пошел под прямым углом от своего маршрута, прямо к троллейбусной остановке.

– Где и был убит?

– Да, где был застрелен. Но прежде Сидорский с кем-то дрался.

Влад едва не расхохотался. Профессор Сидорский дрался!

– Тщедушный инвалид с больным позвоночником с кем-то дрался? – насмешливо спросил он.

– Под его ногтями была найдена запекшаяся кровь.

– Так, может быть, это его кровь? Когда в него выстрелили, он прижал руки к груди...

– Это не его кровь, – оборвал Влада следователь. – Группы и резус не совпадают.

– Значит, он защищался.

– Вы не шутите? Вы можете показать, как защититься от летящей в вас пули? Гражданин Уваров! Профессор напал *первым*! И человек, на которого он напал, вынужден был выстрелить.

– Ах, какой конфуз: простой и законопослушный гражданин вынужден был выстрелить! – съязвил Влад.

– Нет, не простой, – спокойно заметил следователь. – И потому меня так интересует круг знакомств *вашего* профессора.

Влад снова кинул взгляд на Сенеку. Это надо делать сейчас. Сию же минуту. Это наиглавнейший вопрос. А топор, бензин – головоломка только для следователя. Влад сразу понял, для чего (а не для кого!) Сидорский приготовил орудия. Разумеется, для рукописи. Чтобы понять это, достаточно знать импульсивный характер Артема Савельича. Он был максималистом, человеком, не терпящим в науке ком-

промиссов. Шесть лет назад Влад впервые познакомился с профессором на научно-практическом семинаре в Неаполе. И запомнился необыкновенно жестким, недипломатичным отношением к реферату молодого немецкого историка. «Эту работу, – объявил профессор с кафедры почтенной публике, размахивая брошюрой, – следует изрубить топором, сжечь, а пепел развеять со стены Колизея!» Сидорскому аплодировали. А побледневший немец, выходя из аудитории, мстительно обронил: «Вкусив вашей еврейской желчи, мэтр, невольно хочется оправдать нацистов!» На семинаре говорили, преимущественно, на английском и итальянском, и немца мало кто понял.

– Кажется, я знаю, что собирался сделать профессор, прежде чем пойти ко мне, – сказал Влад, поглядывая на Се-неку.

– Знаете?

– Но для этого мне надо заглянуть в одну книжечку... Позвольте передвинуть стремянку?

В глазах следователя загорелось любопытство. Он присел на край стола и скрестил на груди руки.

– Окажите любезность, передвиньте, – насмешливо ответил он.

Оперативные работники отвлеклись от обыска и тоже с интересом стали следить за Уваровым. Понятые, разинув рты, выглядывали из-за двери.

Влад переставил стремянку и поднялся по ней. Не колеб-

лясь, он вытянул за корешок книгу с пьесами и тотчас раскрыл ее.

– Я так и думал, – бормотал он, торопливо слюнявя палец и листая страницы. – Так я и думал.

Следователь переглянулся с операми. Те пожали плечами.

– Что вы думали, любезнейший? Осчастливьте нас своими светлыми мыслями!

Влад не спешил спуститься вниз. Пока он стоял на последней ступени стремянки, никто не мог увидеть, на какой именно странице коротко замрет его взгляд.

– Деньги, – пробормотал Влад.

– Какие деньги, пытливый вы наш?

Влад скользил взглядом по строчкам...

– Профессор хранил здесь крупные купюры... Он доверял мне, и совал их сюда у меня на виду...

– И что же?

И что же... Вот строки из «Медеи», на которые профессор обратил внимание:

*Кого Медее призывать
Всего законней – вечной ночи хаос,
Страну теней, противную богам,
Владыку царства мрачного с царицей
Подземною.*

Слова «Владыку царства мрачного» подчеркнуты. А ниже:

*Я это девой делала; ужасней
Теперь мой гнев, и большее злодейство
Прилично мне, как матери детей.*

– Вы там не уснули? – напомнил о себе следователь.

– Денег нет, – рассеянно произнес Влад. – Что и требовалось доказать...

– Что? Что доказать, черт вас подери?!

Вот она, пометка профессора! Тот же значок, напоминающий «Ю»! Стоит как раз напротив строки:

Я это девой делала; ужасней

– Прежде чем идти ко мне, профессор...

– Что «профессор»? Вы говорить разучились?

– ...профессор хотел зайти в авиакассау... – пробормотал Влад. – На вокзале она работает круглосуточно...

«Я это девой делала...». И напротив буква «Ю».

«Я это девой...»

У Влада вдруг потемнело в глазах. Боясь, что может упасть, он захлопнул том Сенеки и неточным движением воткнул его в книжный ряд.

– Что-то мне нехорошо... – пробормотал он, медленно спускаясь.

Какая же это буква «Ю»? Как же он сразу не догадался, что на самом деле означает этот символ!

Глава 16

– Что это на вас накатило? – с некоторым недоверием спросил следователь, позволяя Владу сесть в кресло. – Вы побледнели.

– Я болею, – ответил Влад. – У меня температура...

– Я очень сожалею. Сам ненавижу простуду... Так что вы хотели нам сообщить?

– Сидорский взял деньги и пошел за билетом на вокзал. А это в двух шагах от меня. Должно быть, он собирался навестить меня перед отлетом.

– С топором и бутылкой бензина?

– Все объясняется очень просто. Он хотел вытащить меня в лесопарк, разжечь костер, подышать свежим воздухом... Мы часто ходили с ним в лес.

– Вытащить вас в лес? Ночью? Больного?

– Я ему не говорил, что болен. А что касается ночи, то профессор, как и я, – сова, и ночь для него – лучшее время для умственной работы. Это может подтвердить любой его студент.

Влад говорил убедительно. Подозрение в глазах следователя угасало. Влад попытался добить его скептицизм окончательно.

– В сквере на него напал грабитель, – сказал он. – Вы же сами видели, что на профессоре было дорогое кашемировое

пальто, и преступник вполне мог принять его за состоятельного господина.

Создавалось впечатление, что версия следователя, которая еще минуту назад казалась почти доказанной, начала рушиться. Герасимов прятал глаза, и взгляд его все чаще упирался в пол. Он ходил из угла в угол, заложив руки за спину.

Наконец он остановился и поднял взгляд.

– Лжете вы складно, – произнес он. – Кашемировое пальто. Прогулка по лесу. Костер... Может быть, я бы вам поверил. Но все дело в том, что Сидорский использовал топорик отнюдь не для заготовки хвороста. Он ударил им человека и ранил, о чем свидетельствуют следы крови на лезвии. И уже только после этого профессор был застрелен.

«Ударил топором человека!» – мысленно повторил Влад, но не испытал при этом ни ужаса, ни страха, словно речь шла о каком-то давнем, всеми забытом преступлении, к которому Артем Савельич не имел никакого отношения. И вообще, Влад воспринимал разговор со следователем как некую утомительную повинность, досадный раздражитель, отвлекающий от волнительных размышлений. Влад догадался, что означает значок, поставленный профессором на странице книги. Сидорский расшифровал скрытую двусмысленность, сохранившуюся в переводе стиха Сенеки. В словах Медеи он заключил тайну, которой владел!

Я это девой делала; ужасней

*Теперь мой гнев, и большее злодейство
Прилично мне, как матери детей.*

«Девой делала». Оказывается, слово «девой» означает вовсе не возрастную категорию героини, а имя существительное в творительном падеже, которым героиня творила свое великое злодейство. Она убивала «девой», она властвовала с ее помощью! И эту субстанцию Сидорский пометил всем известным символом женского начала, только повернув его на 90 градусов: ♀. Потому Влад, увидев этот символ в рукописи, поначалу принял его за букву «Ю»...

– Простите, вы что-то сказали? – спросил Влад, отвлекшись от размышлений.

Следователь стиснул зубы. Ему придется повторить свое требование! Этот худой школьный учителяшка с бледным осунувшимся лицом и неряшливыми патлами, оказывается, несколько минут подряд не слушал его, а думал о чем-то своем. Какое откровенное пренебрежение! Что ж, пусть ему будет хуже.

Шлепком ладони следователь припечатал к журнальному столику, у которого сидел Влад, лист с отпечатанным текстом.

– Прочтите и распишитесь, – едва разжимая зубы, процедил следователь.

– Что это? – не понял Влад.

– Подписка о невыезде.

Влад нащупал в кармане шариковую ручку, с затуманенным сознанием придвинул лист к себе и попытался прочесть первую строку. «Что ж это мне так плохо... Голова кружится... Перед глазами туман...» Крупный озноб колотил его. Текст подписки расплывался, и Влад не различал жестких слов, ограничивающих его свободу. Он вспоминал тот абзац в рукописи гостей, рядом с которым профессор поставил символ женского начала ♀. О чем же там шла речь? *«Проповедник, объявивший себя Сыном Божьим, был не только гениальным психологом, но и носителем некоей Тайны, при помощи которой воздействовал на людей на уровне подсознания и покорял их волю в абсолютной степени».* Вот она, суть! Профессор считал, что тот человек, ходивший с учениками по земле Палестины, владел некой Тайной, каким-то образом связанной с незамысловатым знаком, где соединились окружность и крест. И эта Тайна, как утверждал автор рукописи, перешла от Иисуса Христа Понтию Пилату, потом Сенеке, и далее – через римских правителей, философов, святых дальше, дальше, дальше...

Владу вдруг показалось, что мысли его стекленеют, подобно тому, как на крепком морозе схватывается вода; в груди образовалась пустота, и мертвящий холод хлынул туда. Перед глазами потемнело, заволокло мутью контуры профессорской комнаты, и Влад задохнулся от ощущения громадной высоты, на которой он оказался; и он падал, и душа его немела, и внизу, насколько хватало глаз, расстилалась вы-

жженная солнцем каменистая пустыня, взбугрившаяся зелеными кочками оазисов и плодородных долин...

Глава 17

Он очнулся оттого, что следователь шлепал его мокрыми ладонями по щекам.

– Эй! Ты только не умирай! Слышишь, учитель!

Влад приоткрыл глаза. Над ним склонились однотипные, как у манекенов, лица.

– Откройте окно! – распорядился следователь.

В комнату хлынул сырой холодный воздух. Влад сделал глубокий вздох, чувствуя, как его сознание проясняется. «Я должен немедленно лететь в Рим! Сидорскому не дали это сделать. Я узнаю то, что хотел узнать профессор».

Влад поднялся на ноги. Его качало, в голове стоял гул.

– Вы, братец, совсем скверно выглядите, – сказал следователь. Он смотрел на Влада и качал головой. – До дома сами дойдете?

Нетвердыми шагами Влад пересекал ночной квартал. Шел дождь. Воротник куртки промок насквозь, и вода по каплям стекала по шее Влада, противно щекотала между лопаток. Влад обошел сквер и вышел к злосчастной остановке. Здесь уже не было никого, и дождь смыл с асфальта следы крови. Влад постоял у того места, где лежало маленькое ломаное тело, завернутое в кашемировое пальто. Профессор не просто возражал против того, чтобы Влад читал рукопись. Он жизнь положил, пытаясь закрыть собой лучшего учени-

ка от запретного знания, которое несла в себе рукопись «наследников». Заслонить только от одного упоминания о некоей Тайне, скрытой под символом ♀.

Добравшись домой, Влад принял две таблетки аспирина и стал собирать сумку. «Хорошо, что они дали мне аванс, – думал Влад, пересчитывая доллары. – Очень кстати. И я использую его по назначению. Я докопаюсь до сути. Я все узнаю...» Папку с рукописью, чтобы не помять, он положил на самое дно сумки. Сверху, приминая обеими руками, положил свитер – сейчас ему трудно было поверить, что где-то может быть тепло. Подумал, и затолкал туда же шерстяной шарф.

Потом Влад листал телефонную книжку. «Разница с Италией – один час. И все равно там уже глубокая ночь. Адриано наверняка спит... Прости, Адриано!»

Прежде чем взяться за телефон, Влад подошел к черному запотевшему окну и долго всматривался в ночь.

* * *

Эта же непроглядная ночь черной шторой стояла за окнами номера «люкс» привокзальной гостиницы. Леонтий с оголенным торсом сидел на краю дивана, чуть подавшись вперед, и молча покусывал губы. Дежурный хирург из городской больницы, приехавший сюда на оплаченном клиентом такси, уже закончил манипулировать над раной и теперь собирал в

ладонь окровавленные тампоны, похожие на крупные красные ягоды.

– Через два дня можете снять пластырь, – сказал он. – И обязательно принимайте лекарство, которое я вам прописал.

Вся операция заняла не больше пятнадцати минут. Хирург стянул двумя швами края раны, которую, впрочем, можно было назвать глубокой царапиной, обработал антисептиком, приложил сухой стерильный тампон и закрепил его пластырем. Ерунда. Если бы не толстый наплечник, вшитый в кожаный плащ, то могло быть намного хуже. Лезвие топора наверняка бы повредило плечевой сустав, и тогда не обошлось бы без серьезной операции в стационаре.

Врач вышел в умывальник. Вскоре оттуда донесся звук льющейся воды. К Леонтию подошла мать Анисья. Все то время, пока в номере присутствовал врач, она просидела в соседнем номере.

– Ну, что? – спросил ее Леонтий, осторожно, чтобы не повредить повязку, надевая черную рубашку.

– Он звонил в консульство и оставил на автоответчике заявку на срочную визу в Италию.

– И все?

– И еще звонил в Рим, в квартиру Адриано Варриани.

– А это еще кто?

– Научный сотрудник Национальной галереи античного искусства.

– Хороший уровень.

– Он нам тоже не нужен. Лишний источник болтовни и сплетен.

– Я хотела сказать о другом... – Мать Анисья улыбнулась и добавила: – Учитель обстоятельно взялся за дело. Он честно отрабатывает деньги. Как, собственно, и телефонистка из местного узла связи. Ей надо хорошо заплатить, она нам еще понадобится.

Леонтий кивнул, поднял чемоданчик, который стоял за диваном, положил его себе на колени и открыл замки. Дно чемоданчика было плотно обложено пачками денег.

– Половину отдай доктору, – сказал Леонтий, протягивая женщине пачку.

Она взяла ее, пролистала.

– Доктору? В таком случае, этого мало.

– А кому еще мы должны?

– Следователю Герасимову. Чтобы он позволил Уварову спокойно вылететь в Рим.

Глава 18

Самолет мчался с востока на запад, убегая от нового дня, и рассвет показался Владу особенно долгим и тяжелым. Его знобило, он попросил стюардессу принести ему одеяло, и когда завернулся в него по самый подбородок, то стал объектом насмешливых и недоуменных взглядов. Самолет был заполнен туристами, которые гнались за ранним летом, за ласковым солнцем, и большинство из пассажиров были одеты в легкие брюки и футболки.

Но Влад не испытывал ни ловкости, ни смущения. Омерзительный липкий холод, который основательно поселился в его организме, отгородил от него веселое и беззаботное общество; Влад просто не замечал никого, как если бы летел в самолете один. К тому же он был увлечен работой. Экономя время, он составлял главные тезисы рукописи и переводил их на итальянский (Адриано русским не владел), стараясь при этом не упустить ни одной детали, ни одного географического названия или исторического имени. И вот тут-то выяснилось одно обстоятельство. В рукописи, оказывается, не хватало одной страницы. После страницы 44, где начинался рассказ о первом историческом памятнике, в котором упоминалась Тайна Власти, следовала 46, начинающаяся словами: *«О Тайне Власти упоминается также в нехристианских источниках II века...»*. Вся информация о первом упомина-

нии, надо полагать, находилась на странице 45. «Как же я не обратил на это внимание, когда читал рукопись первый раз?» – подумал Влад и по листочкам перебрал всю рукопись от начала и до конца. Сорок пятой страницы не оказалось. Влада стало разбирать любопытство. Это очень важно – первое упоминание о Тайне Власти! С чего начался весь сыр-бор? Первоисточник этой Тайны – Иисус Христос, либо она существовала до него?

Вопрос был принципиальным. Если автор рукописи убеждал в том, что Тайна снизошла на Землю вместе с Богочеловеком, то ее следы следовало искать исключительно в мифологии. Но если о Тайне упоминалось в каких-либо дохристианских источниках, тогда область поиска расширялась до бесконечности, охватывая не только историю всех религий земли, но и всемирную историю от первобытного строя до сегодняшних дней.

Перетряхнув всю папку, Влад стал копаться в сумке, которая лежала у него под ногами, и при этом сделал несколько неосторожных движений локтем. Полная дама в соломенной шляпе, сидящая рядом с ним, тяжким вздохом и взглядом, обращенным в потолок, выказала неудовольствие. Влад же не обращал на соседку никакого внимания, потому как с каждой минутой бесплодных поисков распалялся все сильнее.

Страницы не оказалось и в сумке. Собственно, Влад искал ее среди своих вещей лишь для очистки совести, так как был

совершенно уверен, что выронить одну страничку из рукописи *не мог не при каких обстоятельствах* – ни когда читал ее, сидя дома под настольной лампой, ни когда собирался в дорогу. Зеленую папку с шелковыми тесемками он уложил в сумку очень бережно, отдавая полный отчет своим действиям. Горошина, лежащая в папке, не выскользнула бы оттуда, не говоря уж о странице. Значит, ее оттуда кто-то изъял – либо умышленно, либо по неосторожности. В круг этих «кто-то» попадали лишь «наследники Христа» да Сидорский, который читал рукопись до Влада. Но разве стал бы профессор мелочиться и тайно вынимать одну страничку из рукописи, которую намеревался изрубить топором и сжечь всю целиком?

Выходит, 45 страницу вытащили сами «наследники Христа», авторы рукописи. Но зачем? Какая информация не предназначалась для пытливого ума Влада?

Он еще раз пробежал глазами по последнему абзацу 44 страницы. Рассказ о первом в истории человечества упоминании Тайны Власти начинался с описания загадочного случая, произошедшего в бразильской усадьбе Поусо Альто в 1872 году. Этой датой страница заканчивалась.

Досадно! Влад очертил этот абзац карандашом и поставил несколько вопросительных знаков. Дама, искоса наблюдавшая за ним, громко хмыкнула, поправила шляпку, покачала головой, изо всех стараясь привлечь внимание Влада.

Он взглянул на нее. Взгляд женщины был обращен на

страницу рукописи. Она смотрела на нее глазами английской классной дамы, проверяющей тетрадь нерадивого ученика.

– Вы, как все скептики, считаете, что это всего лишь газетная «утка»? – спросила она как бы невзначай, показывая, что вовсе не желает навязаться в собеседницы.

– Что вы имеете ввиду? – спросил Влад.

– Бразильский камень, конечно. Вы же по поводу него поставили вопросительные знаки?

– Ничего не слышал об этом камне, – признался Влад.

– Да что вы! – всплеснула дама, очень довольная тем, что может блеснуть интеллектом перед симпатичным молодым человеком. – О нем столько писали в свое время! Ну, может быть, вы слишком молоды, и не застали эту шумиху.

– А с чего вы взяли, что здесь речь идет о Бразильском камне?

– А о чем же еще? Бразильская усадьба Поусо Альто – с нее все началось.

– Очень досадно, что здесь не хватает одной страницы. Наверное, там как раз шла речь о камне.

– Не беда! – махнула полной рукой дама, усаживаясь удобнее. – Э-э, девушка! – позвала она стюардессу. – Мне кофе «эспрессо» с коньяком, пожалуйста! Только ради Бога не предлагайте итальянский. Можно французский «Гастон де Лагранж». На крайний случай «Эдуард III». – Она повернулась к Владу, сокрушенно покачала головой. – Необъяснимая логика у этих стюардесс! Если самолет следует в

Рим, значит, надо травить пассажиров итальянским коньяком. Вы, надеюсь, не любите итальянский коньяк?

Влад пожал плечами.

– Честно говоря, даже не знаю.

– Не любите! – заверила дама. – Так что я вам хочу сказать по поводу Бразильского камня. Как-то работники некоего плантатора да Косты приволокли в усадьбу каменную плиту, разбитую по недоумию на четыре куска. Когда да Коста приказал собрать все части воедино, выяснилось, что плита покрыта неизвестными иероглифами. Эксперты определили возраст камня – надпись была сделана в VI веке до нашей эры. Да Коста старательно срисовал надпись и отправил письмом председателю историко-географического общества Бразилии сеньору де Сапукахи. Тот не смог расшифровать надпись, переправил письмо специалисту по древним надписям Ладислау Нетто. Специалист тоже сдался. Загадочные иероглифы попали в Европу... Спасибо, девушка! Сахар положили? Сколько ложек? Две?! Вы с ума сошли! Это ведь уже не кофе, а крысиный клей получился...

– Так вот, – поднеся чашечку к губам, продолжала дама. – Перед загадочным текстом сдался и французский специалист по древним религиям Эрнест Ренан.

– Автор «Истории происхождения христианства»? – вспомнил Влад.

– Совершенно верно. Правда, вскоре выяснилось, что надпись на Бразильском камне была сделана на древне-фини-

кийском языке. Единственный, кто нашел в себе смелость заявить о расшифровке надписи, был американский филолог Сайрус Гордон.

– И что же было написано на камне?

– Общий смысл надписи сводился к высадке финикийцев на берег Южной Америки. Надеюсь, вы знаете, где раньше находилась Финикия?

– Конечно. На том месте, где сейчас Ливан. Предлагаете задуматься над тем, кто на самом деле открыл Америку?

– И не только об этом, – изменившимся голосом заметила дама, одним махом выпивая коньяк. – Тайна Бразильского камня в том, что на нем была высечена финикийская криптограмма с применением тайнописи. И смысл ее в том, что один из финикийских путешественников, сошедших на бразильский берег, объявил себя богом. Существует предположение, что этот человек до самой смерти обладал колоссальной властью, которая даже не снилась ни Фараону, ни Наполеону, ни Гитлеру.

Она откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

– Представьте себе голубоглазого блондина двухметрового роста, – прошептала она, – который в среде низких и смуглых индейцев напоминал взошедшее на небо солнце...

– А с чего вы взяли, что это был голубоглазый блондин?

– Как с чего?? Все финикийцы были такими! – с некоторой долей возмущения ответила дама.

– А что, вы лично встречались с кем-нибудь из них? –

усмехнулся Влад.

Глава 19

Следователю Герасимову удалось поспать немногим более двух часов, причем спал он в своем кабинете, на представленных друг к другу креслах. Тяжелый сон не взбодрил и не придал сил, а напротив. Герасимов долго приводил себя в чувство в умывальнике, пустив струю холодной воды на голову. Вытираясь полотенцем, он брел по сумрачному коридору и покачивался, будто накануне выпил изрядную дозу спиртного.

Вернувшись в кабинет, распахнул настежь окна, заложил в чашку две ложки растворимого кофе и залил кипятком. Прихлебывая едкое, вяжущее пойло, он жадно и глубоко курил, сплевывая в распахнутое окно, и со сладким волнением думал о том, сколько дорогих и полезных вещей он теперь сможет купить.

Через четверть часа он почувствовал, что окончательно избавился от сна и обрел достаточную ясность мысли.

– Доброе утро, Никифор Палыч! Я тебя разбудил? – говорил он по телефону, рисуя на клочке бумаги то ли автобус, то ли вагон со множеством круглых, как нули, колесиками. – А у меня для тебя срочное и важное сообщение...

Герасимова совсем не беспокоил тот факт, что он звонит заместителю руководителя Национального центрального бюро Интерпола Никифору Коломыйцу домой и при этом

говорит с ним открытым текстом. Даже если домашний телефон Коломыйца прослушивался, разговор двух милицеских чиновников вполне выглядел, как обмен оперативной информацией.

Слова «для тебя» и «важное» стали своеобразным паролем в общении старых приятелей. Никто, кроме Коломыйца, не знал, что они означают личную материальную выгоду.

— Час назад рейсом 1688 в Рим вылетел Уваров Владимир Николаевич, тысяча девятьсот семьдесят третьего года рождения... Записал? Пожалуйста, позвони своим коллегам в Риме и попроси, чтобы его не трогали ни при каких обстоятельствах, что бы вокруг него ни происходило... Нет, я не думаю, что его деятельность в Риме будет носить криминальный характер. Скорее всего, он будет копаться в архивах и библиотеках, да и виза у него всего на трое суток... Договорились? Премного благодарен!

Слова «премного благодарен» в переводе с эзопова языка означали: «За это я тебе прилично заплачу». Коломыец обещал помочь, хоть для вида и проворчал, что установленный порядок международной организации криминальной полиции предписывает принимать во внимание только официальные заявки на розыск, слежку и прочие оперативные мероприятия.

На том разговор закончился.

Самолет приземлился в одном из главных аэропортов Рима Чампино. Адриано встречал Влада в конце эскалатора в зале прибытия. Толстоватый, неуклюжий, вечно растерянный сотрудник Национальной галереи античного искусства выглядел так, словно прибежал в больницу к умирающей те-тушке. Несмотря на то, что в зале было прохладно от кондиционеров, Адриано вытирал платком взопревший лоб. Черты лица его были крупными, особенно нос, глаза близко посажены, полные губы почти всегда находились в движении, словно Адриано безостановочно разговаривал сам с собой. Темные глаза выражали неподдельную тревогу. Образ ученого как нельзя точно дополняла всегда помятая на спине бордовая рубашка, нижний край которой выпростался из-под брючного ремня и свисал мятой тряпкой.

«Мы такие, какими хочет видеть нас Бог» – такова была любимая поговорка Адриано. Он считал себя фаталистом, но с той поправкой, что весь его жизненный путь давно и детально расписан Всевышним, а потому смешно дергаться и пытаться изменить то, что ложится само собой.

– А где дети? – страшным голосом спросил Адриано, смешно дергая нижней губой. – Ты почему без детей?

Он думал, что Влад прилетел в Рим вместе со школьниками, но где-то по пути растерял их. Влад взял Адриано за

локоть, отвел в сторону от эскалатора, по которому спускались пассажиры с сумками.

– Адриано, профессора Сидорского убили.

Влад неплохо говорил по-итальянски, и произношение у него было хорошим, но все равно Адриано сделал вид, что не понял.

– Кажется, ты употребил не тот глагол. Ты хотел сказать, что профессору Сидорскому дали Нобелевскую премию?

Адриано прекрасно знал Артема Савельича, при любой возможности посещал его лекции и считал за честь быть его гидом, когда профессор приезжал в Рим.

Влад разволновался. Обилие людей нервировало его. Он огляделся, желая найти какой-нибудь укромный уголок, где коллеги могли бы спокойно переговорить. Но разве найдешь укромный уголок в главном терминале Чампино! И эти вездесущие полицейские! Кажется, что все они украдкой поглядывают на Влада и перемигиваются между собой.

– Ты хорошо меня понял! – сердито повторил Влад. – Его убили. Сегодня ночью. И я сам не могу понять почему. Все очень сложно и запутанно, Адриано. Я должен тебе все рассказать...

Адриано прижал ладони к щекам и покачал головой.

– В голове не укладывается, – пробормотал он. – Никогда не догадаешься, что в планах Бога.

– Боюсь, что Бог здесь не при чем, – заметил Влад. – Ты на машине?

– А ты думал, что я пойду через весь Рим пешком?

Влад подхватил сумку, и они направились к выходу из терминала. Несколько раз Влад оглянулся, и ему показалось, что молодой, почти наголо бритый полицейский, стоящий у киоска с прессой, не спускает с него глаз и неумело прикрывается газетой.

– Можно я сяду за руль? – спросил Влад, когда они вышли на стоянку, и Адриано приветливо распахнул дверь старенького «Пежо» такого же горячего цвета, что и его рубашка. – А ты пока почитай вот это.

И Влад протянул Адриано листочки, исписанные мелким текстом. Это были тезисы рукописи, которые он составил в самолете.

Влад неплохо ориентировался в Риме, и уже как-то водил машину, взятую напрокат, по его старинным улицам. Но сейчас он ехал настолько медленно и осторожно, что «Пежо» обгоняли даже велосипедисты. Влад попросту тянул время. Он хотел, чтобы Адриано успел все прочитать здесь, в машине. Здесь Владу почему-то было спокойнее. У станции метро *Re di Roma* он сделал круг и выехал на *via Appia*. Здесь проходила старинная Аппиева дорога, на которой, по преданию, апостол Петр встретил воскресшего Христа.

– Сверни налево, – не отрываясь от чтения, распорядился Адриано.

Влад послушно занял левый ряд, и когда загорелась зеленая стрелка, свернул на *via Faleria*. Адриано хоть и был оша-

рашен страшной новостью, все же не забывал о том, что он хозяин и гид и, сам того не замечая, направлял Влада по самому красивому маршруту. Проехав по *via Della Navicella*, они миновали Колизей, как всегда величественный и гордый, похожий на гигантскую царскую корону. Это колоссальное строение, возведенное всего за 8 лет, когда-то вмещало до 50 тысяч зрителей. Человеческая алчность и землетрясения частично разрушили его, но и сейчас Колизей восхищал изяществом и грандиозностью. Влад перевел взгляд на восхитительную триумфальную арку Константина и находящийся рядом круглый фонтан *Meta Sudans*, построенный Титом в конце I века нашей эры. Здесь купались гладиаторы, смывая с себя кровь побежденных противников, и вода в фонтане почти всегда имела бурый оттенок. Несмотря на то, что Влад уже не раз видел и арку, и фонтан, он все же не смог сдержать восторженных эмоций, покачал головой и даже на мгновение прикрыл глаза, словно концентрированная история обжигала ему глаза.

Несколько задержавшись в пробке у руин Римского форума, они выкатились на площадь Венеции. Словно солнечные лучи отсюда разлетались главные римские улицы: *Фори Имперiali*, по которой они только что ехали, Четвертого Ноября, *улица Плебисцита*, *виа дель Корсо* и проспект Виктора Эммануила, ведущий через Тибр до собора Святого Петра.

Влад невольно притормозил, залюбовавшись дворцом Венеции. Это строгое, кирпичного цвета здание казалось сми-

ренными и в то же время могучим. Его построили в 1455 году по приказу кардинала Пьетро Барбо и по проекту знаменитого архитектора Леон-Баттиста Альберти. Фасад дворца украшали окна из белого мрамора; на бельэтаже они образовали форму гвельфского креста. В музее дворца, хранящем художественные произведения эпохи Средневековья и Возрождения, по служебной необходимости часто бывал Адриано. Он обязательно напомнил бы об этом Владу, если бы не был погружен в чтение.

– Ты здесь привел цитату из Сенеки и поставил символ женского начала, – сказал Адриано, тыча толстым пальцем в текст. – Что это значит?

– Так профессор обозначил слово «дева», которое употребил Сенека. И этим же символом он прокомментировал один из абзацев рукописи. Читай ниже.

– «Проповедник, объявивший себя Сыном Божиим, был не только гениальным психологом, но и носителем некоей Тайны, при помощи которой воздействовал на людей на уровне подсознания и покорял их волю в абсолютной степени», – вслух прочитал Адриано. – И какой вывод мы должны сделать из этого?

– Профессор считал, что Проповедник, на образ которого молится человечество...

– Стоп! – перебил Адриано, всегда ревниво относившийся к сомнениям Влада относительно существования Богочеловека. – Ты хоть из уважения ко мне называй этого Пропо-

ведника Иисусом Христом... Так что профессор считал?

– Что Иисус Христос обладал некой тайной, связанной то ли с какой-то женщиной, то ли с символом женского начала. И эта тайна последовательно перешла к Понтию Пилату, затем к Сенеке и далее, далее, далее...

– И до каких пор «далее»?

– Вот это я и хотел бы выяснить с твоей помощью. Но не исключаю, что до наших дней.

– Безусловно, Влад! Безусловно, я тебе помогу.

– Но сначала я должен предупредить тебя, Адриано! – Влад замолчал, осторожно перестраиваясь в правый ряд и пропуская оранжевый кабриолет, за рулем которого сидела яркая блондинка. – Дело, которым мы с тобой будем заниматься, очень опасное. Я почти уверен, что профессора убили те самые люди, которые сочинили эту рукопись. Я думаю, что профессору стало известно слишком многое, чего, по их мнению, он знать был не должен.

Адриано погрузился. Его глаза потускнели, он задумался.

– Если ты откажешься, я восприму это как должное, – пообещал Влад.

– Ладно, рули! – с напускной грубостью ответил Адриано, застыдившись своей минутной слабости. – Страшнее итальянской мафии нет ничего на свете, а уж с твоими русскими сочинителями мы как-нибудь справимся.

Он рассмеялся, ободряя и себя, и Влада. У Влада отлегло с сердца.

– На Via Nazionale! – приказал Адриано и махнул рукой в сторону Римского Национального музея. Там у него была служебная комнатуха размером с ванную комнату, зато оснащенную компьютером и, что было очень важно для Адриано, холодильником с внушительным запасом спиртного.

Команда от гида поступила неожиданно, и Влад, опасаясь проскочить поворот направо, довольно резко перешел на другую полосу. Он не нарушил правила, но сзади кто-то нервно посигналил, послышался писк тормозов. Адриано, выдав какое-то редкое идиоматическое ругательство, обернулся. Влад, как и положено гостю чужой страны, уже априори взял всю вину на себя, хотя толком не понял, что же он такого натворил. Оказалось, что следующий за ними черный «Мерседес» с тонированными стеклами, проделал тот же маневр и едва не задел фургон «Фиат» с рекламой пиццы на бортах.

– Странно, – пробормотал Адриано, не без усилия выворачивая шею. – Мне кажется, что этот «Мерседес» я уже видел на стоянке в аэропорту.

– Во всем Риме больше «Мерседесов» нет? – с недоверием спросил Влад.

– Эта машина арендованная, – ответил Адриано. – Я узнал ее по номерам – на них отсутствуют буквы, обозначающие провинцию.

Некоторое время друзья молчали, не зная, как комментировать тот вывод, к которому пришел Адриано. Влад погля-

дывал в зеркало заднего вида, но черного «Мерседеса» больше не видел. Словно делая над собой усилие, Адриано опять вернулся к изучению тезисов.

– Ты пишешь, что в рукописи отсутствует страница, в которой идет речь о Бразильском камне... Ты ее потерял?

– Я уверен, что ее умышленно изъяли «наследники Христа». Они не хотели, чтобы я заострял внимание на этом факте. Надеюсь, ты слышал о Бразильском камне?

Благодаря попутчице из самолета, Влад получил кое-какие сведения и теперь пытался обозначить свое преимущество перед Адриано, но неожиданно пришлось прикусить язык.

– Бразильский камень? – переспросил итальянец. – Это тот самый, который никто никогда не видел, и на котором, якобы, начертана нерасшифрованная финикийская надпись?.. Э-э! Тормози! Мы уже приехали!

Влад подъехал к музею, остановился на синей разметке, означающей платную парковку, и вопросительно посмотрел на Адриано. Цены на парковку в Риме очень высокие, не меньше одного евро в час, и вряд ли эта сумма была заложена в скромный семейный бюджет Адриано. Но научный сотрудник, ничуть не смущаясь, накиннул мультилок на рычаг скоростей и вышел из машины.

– Это моя вотчина, – пояснил он. – Сотрудникам музея бесплатно выдается годовой абонемент на парковку.

В торце здания находился служебный вход. Адриано ввел

несколько цифр в кодовом замке, распахнул дверь, пропуская Влада вперед, и начальственным тоном бросил охраннику:

– Привет! Этот человек со мной. Историк из России. Готовится сделать сенсационное заявление.

Эти слова произвели на охранника впечатление, и он на всякий случай учтиво поклонился. Адриано провел Влада по темному коридору, спустился по скрипучей деревянной лестнице в подвал и зашел в крохотную комнату без окон.

– Ты опять здесь, Мари? – буркнул Адриано. – Делать нечего?

Влад не сразу понял, кому адресованы эти слова. Ослепленный утренним итальянским солнцем, он с опозданием заметил в сумрачном помещении сестру Адриано. С двадцатидвухлетней Мари Влад был знаком, они эпизодически встречались всякий раз, когда Влад приезжал в Рим, но после расставания сразу же забывал о ней. Встречая ее снова, он испытывал чувство неловкости и переживал, что не сразу узнал ее, что не поздоровался первым, что на ум вовремя не пришел оригинальный комплимент. Вот и сейчас, целую тонкую и прохладную ладонь девушки, он подумал, что не захватил с собой какого-нибудь пустякового сувенира в подарок.

Мари работала дизайнером в муниципальной оранжерее. Каждый год, в мае, на Испанской лестнице в центре столицы открывалась выставка азалий, и для Мари наступала горячая пора. Но сейчас в оранжерее было затишье, и у Мари появи-

лось много свободного времени.

Девушка разительно отличалась от своего тучного брата изящной, едва ли не миниатюрной фигурой и утонченными чертами лица. Ее длинные темные волосы были расчесаны посредине, обозначая ровный пробор, и стянуты на затылке кроваво-красной лентой. Одета она была так, как одевались почти все без исключения римские студенты – в короткий спортивный джемпер, оголяющий пупок, потертые джинсы, едва держащиеся на бедрах и подпоясанные тряпочным ремешком, и кроссовки.

– К сети подключен? – спросил Адриано, шумно отодвигая стулья и устремляясь к мерцающему монитору компьютера. – Нам надо срочно поработать.

– Я вам не помешаю? – спросила Мари, но вряд ли с целью узнать, уйти ей или остаться.

Адриано промолчал, приклеившись взглядом к монитору. Ему было бы лучше, если бы сестра оставила их, но Влад все испортил. Он всплеснул руками и искренне заверил, что общество Мари ему очень приятно. Девушка это и хотела услышать. Влад был ей симпатичен, ей было интересно поболтать с гостем.

– Тогда я приготовлю вам кофе, – предложила она.

– Мне пиво! – буркнул Адриано.

Холодильник был заставлен бутылками с пивом. Из всех итальянских сортов Адриано предпочитал малоизвестное «Nastro Azzurro», принципиально отказываясь от чрезмерно

разрекламированного Birra Moretti, которое производители уже успели поставить в ряд традиционных символов Италии – пиццы и футбола. Прихлебывая из горлышка, Адриано вошел на сайт поисковой системы и ввел несколько ключевых слов: «БРАЗИЛЬСКИЙ КАМЕНЬ ФИНИКИЙСКАЯ НАДПИСЬ». Ссылок оказалось больше, чем достаточно, но большинство из них указывали на различные форумы, где проходили жестокие словесные баталии на тему открытия Америки семитами.

– Попробуй здесь, – сказал Влад, коснувшись пальцем экрана, под строкой с оборванной цитатой «... ни камня, ни надписи никогда не существовало...»

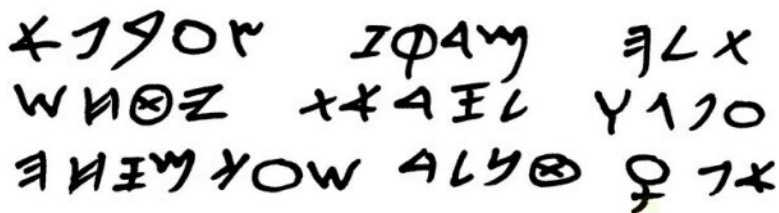
Компьютер заурчал, пропуская через заданный фильтр колоссальное количество текстов, и вот на экране стало прорисовываться зеленое поле, на котором, словно мультипликационные цветы, распустились ломанные символы.

Некоторое время Влад и Адриано молча смотрели на экран. Только Мари, которая в это время стояла у маленькой электрической плитки, могла заметить, как ученые побледнели, а глаза их округлились. Друзья переглянулись.

– И здесь тоже! – хриплым голосом произнес Адриано, сделал глоток из бутылки и закашлялся.

Глава 20

Под тремя строчками символов, которые отдаленно смахивали на греческий алфавит, стоял немногословный комментарий автора сайта: *«Так выглядела финикийская надпись, высеченная на Бразильском камне почти за две тысячи лет до того, как моряки Колумба высадились на берег Америки»*. Но вовсе не присутствие семитской надписи на Бразильском камне шокировало Влада и Адриано. Среди незамысловатых крючков, «гребешков» и окружностей они увидели символ женского начала!

— Погоди, это что ж получается, — волнуясь, сказал Влад. — Выходит, что знак, который мы отождествляем с зеркальцем Венеры, был одной из букв финикийского алфавита?

— Такой буквы у финикийцев не было, — твердо сказал Адриано. Он обернулся, поднял руку, привлекая к себе внимание сестры, и она поняла его без слов, ловко вскочила на стул

и сняла с полки лингвистическую энциклопедию. – Вот, – продолжал он, открывая книгу на нужной странице и шлепая пухлой ладонью по таблице с финикийскими алфавитами. – Есть отдаленно похожий на него знак, как, например, вот этот круг с перекрестием внутри. Он читается, как мягкое «t». Но «зеркальца» в алфавите нет. Потому что это не буква алфавита.

– А что это? Наглядное подтверждение того, что это письмо – подделка?

– Это рисунок, – вдруг вмешалась в разговор Мари. Брат привил ей любовь к истории, и Мари, перечитавшая массу познавательной литературы, могла похвастать незаурядными познаниями в области истории. К тому же она успела просмотреть сделанные Владом тезисы и понимала, о чем идет речь. Пользуясь тем, что парни оглянулись и невольно ото двинулись от экрана, девушка смогла поставить перед ними две чашки с кофе.

– Это рисунок, – повторила она. – Обыкновенный рисунок, при помощи которого автор поясняет и дополняет свой текст.

– У твоей сестры светлая голова, – заметил Влад.

– Ну, голова, к слову, у нее черная, – недовольно буркнул Адриано. – Как, собственно, у большинства итальянцев.

Он демонстративно погладил свои смоляные волосы. Адриано сердился, что Мари опередила его и произнесла то, что уже висело у него на языке.

– Разумеется, это не буква алфавита, – продолжил Адриано, – а *символ*.

– И что он мог означать?

Адриано пожал плечами.

– Судя по тому, что Бразильский камень никто и никогда не видел, а часть его текста безнадежно утрачена, мы никогда достоверно не узнаем, что хотел сообщить потомкам неизвестный финикиец.

– Есть версия, что этот финикиец объявил себя богом и до самой смерти пользовался абсолютной властью, – сказал Влад, впрочем, не уточняя, при каких обстоятельствах ему стала известна эта версия.

– Правда? – заинтересовался Адриано. – В таком случае, у нас появляется хоть и хрупкая, но все же зацепка, ведущая к разгадке Тайны Власти. А отсутствие страницы в рукописи свидетельствует о том, что ее авторы очень не хотели, чтобы в процессе разгадки Тайны твой взгляд наткнулся на «зеркальце».

– Почему? – удивился Влад.

– Это может привести тебя к неким неожиданным выводам...

– А скорее, к опасному знанию, – по-своему перефразировала Адриано Мари.

Адриано нахмурился и мягко опустил кулак на стол, отчего чашка тихо звякнула.

– Ты долго будешь перебивать старшего брата? – грозно

спросил он, но сестра этой грозности не испугалась, не ей надо было рассказывать, как нежно любил ее Адриано. Она махнула рукой и подсела к столу.

— Если я правильно поняла, — сказала она, глядя с плохо скрытым восторгом в глаза Владу, — «наследники Христа», которые доверили вам рецензировать их работу, хотят, чтобы вы как можно щедрее поделились с ними своими знаниями о Тайне Власти, но, вместе с тем, они хотят убрать с вашего пути любое упоминание о «зеркальце Венеры». За этим символом скрывается нечто такое, чего вам знать не положено.

— И за что можно схлопотать пулю в лоб, — мрачным голосом добавил Адриано. — То, что мы узнали, это еще ничто. Но уже настораживает. Две с половиной тысячи лет назад некий финикиец совершил морское путешествие вокруг Африки, затем через Атлантику и в итоге высадился на берег Америки, где заявил о своем божественном происхождении. При этом он вставил в текст своего манифеста «зеркальце Венеры». Это первое. И второе: поэт и философ Сенека тоже упоминает этот символ, называя его «девой», и приписывает ему источник злого могущества. Эти два факта, разделенные между собой веками, нам стали известны лишь благодаря прозорливости профессора Сидорского и...

Адриано почесал затылок, посмотрел на экран монитора через пивную бутылку и скромно довершил:

— ...и мне.

– Он просто прелесть! – весело сказала Мари, запуская пятерню в густые волосы брата. – Удивительная природная скромность!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.